

Елена

Марусская

ПРИКОСНОВЕНИЯ

Книга вторая

Переводы

Эссе

Рассказы

Романсы

Детские стихи

Сказки

Очерки

ТАРУСА

2017

Тарусская Е. П.

Т 22 **Прикосновения** / Е.П. Тарусская. — Книга вторая. Переводы, эссе, рассказы, романсы, детские стихи, сказки, очерки. — Таруса: Издательский Дом «ТТ», 2017. — 168 с.

ISBN 978-5-905912-05-4

Вторая книга Е. Тарусской «Прикосновения» вобрала в себя разные жанры — это переводы (с хинди, гуджарати, грузинского, французского), эссе, проза, сказки, романсы, публицистика. Попытка показать многосторонний потенциал автора, его интерес к слову в любом его проявлении.

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-905912-05-4

© Е.П. Тарусская», 2017

От автора

Обогащая себя знаниями, человек обогащает культурологическое пространство своей страны и за счёт познания культуры иных этносов.

Вот и я взяла на себя ответственность заняться переводами. Первый опыт случился благодаря моей сокурснице по Литературному институту им. А. М. Горького, поэту Ирине Ерёменко. Она предложила мне подстрочник своего друга, французского поэта Матьё. Затем был вечер, посвящённый памяти Беллы Ахмадулиной, где читались её переводы с грузинского. И я подумала, почему бы нет, ведь в школе изучала грузинский язык. Взясась за произведения Тициана Табидзе, потом Галактиона Табидзе. Перевела стихи современной грузинской поэтессы Нино Кокосадзе. И вот судьба привела меня к Людмиле Васильевне Савельевой — редкому специалисту по гуджарати и хинди. Сначала я увлеклась индийским эпосом, выучила деванагари, грамматику. Упросила Людмилу Васильевну сделать для меня несколько подстрочников с хинди и гуджарати. Это потрясение, когда ты проникаешь в мир другого поэта, когда ухватившись за метафору и тонкий подтекст разбираешь планы художника, снимая слой за слоем, узнаёшь его мир, его переживания — твой безусловно становится богаче: на слово, на метафору, на сюжетную линию, на эмоцию. А в какой богатейший мир метафор, в какой красочный мир Бхараты привела меня Людмила Васильевна...

Восемнадцатилетней девочкой с Выборгской стороны Людмила Васильевна Савельева пришла в Ленинградский университет на восточный факультет. На первом курсе после введения в индологию, когда академик Алексей

Петрович Баранников читал наизусть «Ригведы» и рассказывал о сказочном эпосе Индии, сердце юной Людмилы дрогнуло и запело... Эта песня любви к стране сказок, махараджей, мудрой философии бытия стала песней всей её жизни. Вот у какого педагога училась Людмила Васильевна, а у Людмилы Васильевны учились многие, причём двери её квартиры всегда были открыты. Вот и мне повезло учиться у неё. Людмила Васильевна очень гордилась своей питерской школой, удивительно грамотным построением фраз. Ей даже носители языка делали по этому поводу комплименты. К сожалению, мы успели совсем немного — перевели 17 стихотворений. Она ушла в мир иной. В память о ней студенты РГГУ под патронажем заместителя директора международного учебно-научного центра изучения Южной Азии РГГУ Индиры Адильевны Газиевой и президента культурного центра «Амрит» в Тарусе Сатиша Малика продолжили начатое дело. Благодаря нашей совместной работе ты, читатель, в этой книге откроешь для себя трепетный, музыкальный, красочный мир Индии. В заключение этой небольшой статьи Ригведа, которую я посвящаю Людмиле Васильевне Савельевой, Сатишу Малику и Индире Газиевой.

О люди, познавшие Агни и Индру,
Ушас, восхищаясь, поведали свету
О сказочном мире Богов многоликих,
Поющих на лире в обрядах сакральных.
В традиции шутри исполнивший сутры:
Узнали мы Соме, и Нами, и Санья...
И как не приступит закона бессмертный,
О Боги! В Тарусе санскрита дыханье...
И замерло сердце, а гимн поёт смертный.

Елена Тарусская

ПЕРЕВОДЫ

Переводы с гуджарати (2016 г.)

Девья Равал

Мама

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

Мама, почему ты рассталась со мной?
Или сердисься вновь на проказы мои?
Изваяньем печаль за моею спиной.
Где любовь и где добрые руки твои?

Ты вскормила с любовью птенца своего,
На коленях качая, целовала меня,
Не забыть твоей ласки, тепла твоего
Из минувшего в прошлое — дня.

Нет тебя — замолчала родная навек.
Мама, мамочка, мой дорогой человек!
От обид иль проступков не слышен ответ.
Что сломалось, разбилось? И нет тебя, нет...

Пожалеет меня кто, подставит плечо?
Тает воск с поминальной свечи. Горячо
Я молитву шепчу: упокой тебя, Бог,
И прости, что без боли расстаться не смог.

Моя жизнь

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

Жизни моей каждый миг
Камнем тяжёлым ложится.
День мой — предсмертный крик,
Та, что с косою глумится.

Благоухание трав
В эти подлунные ночи
Сердцу что сто отрав,
Вьются, мне смерть пророча.

Жду её, каждый вздох
Кажется мне последним.
Чем для небес я плох
В этом пространстве вечном?

Здесь я забуду боль,
Раны Господь уврачует.
Я — «ЧЕЛОВЕКОНТРОЛЬ»,
Небо мне жизнь дарует.

Суреш Даллал

Позволь начертать мне имя твоё...

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

Позволь начертать мне имя твоё
По глади речной тенью кедра,
Позволь утолить нетерпенье своё
Лепестками цветов опьянённого ветра.

Вот дрогнули в звуке два алых крыла,
Что роза, с которой слетают слова.
Пьянящая музыка льётся из уст,
И мир мой без этого голоса пуст.

Веер ресниц прячет нежный твой взгляд,
В этой игре кто из нас виноват?
О, озорство «созвездия Рыб»,
Неосторожность — и вот я погиб.

Позволь начертать мне имя твоё
На глади речной, а рядом своё.

Сундарам

Однажды утром

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

Кто разбудил сегодня меня
Цветочной пылью восходящего дня,
Гирлянду весенних цветов надев?
Флейты весенней напев.

Кто в сердце лучом беспокойным проник
И счастья картину создал в один миг?
Окутан восторгом, блаженством любви,
О, маг и волшебник, себя мне яви!

О, радость творенья, весь мир — небеса!
Всё радует глаз: и цветок, и оса...
Готов я весь мир нежным сердцем объять:
Ваять, рисовать, сочинять, воспевать.

* * *

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

Море имён, несть им счёта
у моего порога,
И только твоё стало лодкой
с благословения Бога.

Энни Сарайя

Анджали¹

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

Любовь твоя, милый, что капли росы
На лепестках распустившейся розы,
Что золото солнечной полосы
И трепет стыдливой мимозы.

Душа с птичьим хором аллилуйю поёт,
И ветер на ветках качаться зовёт.
Запутались тени в вечернем саду,
Но в сумерках пряных дорогу найду.

Туда, где шумит неустанно прибой,
Где сердце моё обретает покой.
Всю ночь я у лунной дорожки сижу,
На замок Селены² с восторгом гляжу.

О Мадава³, слышишь Ямуну⁴ свою?
Я с нежным рассветом себя отдаю,
Павлинье перо опустилось с небес,
И страх одиночества сразу исчез.

Осыплю тебя лепестками любви...
О Мадава, милость свою мне яви.

¹ *Анджали* — почтительное приветствие сложением рук.

² *Селена* — Луна (греч. миф.).

³ *Мадава* — эпитет бога Кишны.

⁴ *Ямуна* — река на севере Индии.

Свирель

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

Я возделала землю, посадила бамбук,
Изумрудные крохи опустив в чёрный тук¹.
Их муссоны-бродяги поливали в сезон,
А они пили влагу и вдыхали озон.

Зашумел гай весёлый, зашептал на ветру,
Нежный щебет слышало солнышко поутру
Приласкало, согрело птах и вымокший лес
А сырой уют испарился, исчез.

Но однажды я срезала лучший бамбук,
От листочков очистив, не сделала лук.
Я бегу во Вриндаву², где возлюбленный ждёт
Звон браслетов моих говорил, что идёт
К нему бхакти³ его. Я припала к стопам,
А смущенье кралось за мной по пятам.

Я смиренно прошу: «Ты мне сделай свирель,
Чтобы души ласкала её нежная трель».
На рассвете, о Мадава⁴, песню арти⁵ сыграй.
Я бамбуковый лес, я бамбуковый рай.

¹ Тук — почвенный покров, фундамент биосферы.

² Вриндава — город в Индии, где есть сад Бога Кришны.

³ Бхакти — преданный Богу.

⁴ Мадава — иное имя Кришны.

⁵ Арти — религиозный гимн.

Трудности сансары (Заботы)

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

На тихой улочке, за долгими заборами
Хозяйка дома так охвачена заботами:
Дошёл ли рис в котле и все ли овощи,
Что на столе, нужны к столу? Не надо ль помощи —
Свекровь больна, дал¹ надо подкупить...
О! Сколько в доме дел, спешить надо, спешить.

А мимо облака в сиреновом дыму,
И месяц золотой ночную пелену
С вкраплениями звёзд развесил за окном,
И в изумрудной мгле уснул усталый дом.
А нежная заря разбудит хором птиц...
Усталые глаза лишь видят танец спиц.

Уныние. Сурьмой устроилась печаль,
А времени и дней за суетой не жаль.
Рекламой мысли векачь: как мужу угодить,
Как вырастить сынка, семью как накормить?
Помыть полы и дверь, одежду починить...
Уж седость на висках и некого винить.

Увяла красота в заботах и делах.
Надежды и мечты — всё обратится в прах.
В заботах и делах и что на жизнь пенять —
Ведь ты жена и дочь, заботливая мать.

¹ Дал — разновидность бобов из которых в Индии готовят суп.

Кошка

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

В доме у меня тигрица —
Грациозная царица,
Золотом горят глаза,
Резвая, что стрекоза.

Жмурит глазки, будто спит,
Тихо носиком сопит,
Очень любит молоко,
Мышек видит далеко.

Ночью выйдет на работу —
На бесшумную охоту.
И крадётся словно рысь —
Тётя мышка, берегись!

Звёзды

(Песенка)

(Подстрочник Людмилы Савельевой)

Звёзды сверкают, сверкают,
Мерцают неоновой пылью.
Улыбки их нежные тают
За угольно-чёрной былью.
Хлопнув в ладоши, смеются,
Беззвучно беседы их льются.

Припев:

Дзынь, дзынь, дзынь,
Плывёт хоровод браслетов.
Дзынь, дзынь, дзынь,
Волшебная песнь амулетов.
Звёздный кружит хоровод
Вокруг царицы Луны,
Пляшет небесный народ,
Нам сладкие снятся сны.

Переводы с хинди (2016 г.)

Кунвар Нараян

Ласковые тени

(Подстрочник Гюзели Стрелковой)

Пролившись в окно из кувшина луны,
Промокшие лунные тени легли,
А звёздная чаша плыла в небесах,
И лёгкие тени на детских кудрях

Играли в пятнашки. Серебряный смех
Бесчисленных пери¹ «полночных утех»
Звенел, рассыпаясь в подлунном раю,
Где песню весеннюю пели свою...

А ветер качал колыбель малыша,
В смирении сонном дремала душа...
О ночь! Не смахни восхитительный миг,
Подлунный и звёздный чарующий блик.

Пусть спит на груди материнской сынок,
Пока не звенит неуёмный звонок,
Где жизнь растворяет зовущую даль,
И пусть малыша не коснётся печаль.

¹ *Пэри* — фантастические существа в виде прекрасных де-
вушек в персидской мифологии, своеобразный аналог европей-
ских фей.

Вечерняя прогулка

(Подстрочник Гюзели Стрелковой)

Между заходом солнца
и наступлением тьмы
Странник безжалостный —
время с плоской густой сурьмы,
Как горизонт не близок,
встречи с ним не достичь,
Слившихся в танце теням,
радости не постичь.
В этом прощанье тихом
с горечью на губах
Память застыла на веки
в этих печальных стихах.

Звёздная пыль

(Подстрочник Гюзели Стрелковой)

Чёрная буря смахнула
Звёзды цветные с неба.
В дверь и окна вдохнула
Словно крошками хлеба.

День выметал я целый
Звёздную пыль из дома,
Сор серебристо-белый,
Выбеленная истома.

Собранная пригоршня
Брошена за порогом,
Вспыхнула небом звёздным,
Благословенная Богом.

Сияние

(Подстрочник Гюзели Стрелковой)

Ещё не строились в Египте пирамиды,
Когда любви услышали дыханье,
И тело бренное в садах Семирамиды
Искало душу — Божие созданье.

Ум повелел рассудку появиться,
Из опыта пришли воспоминанья.
Нам суждено не раз ещё родиться,
Чтоб пережить восторги и страданья.

Чтоб пережить и взлёты, и паденья,
Любовь земную и любовь Вселенной,
Узнать победу, горечь поражения,
Не расплескав души «Амриты»¹ ценной.

И каждый день тонуть в ночном потопе,
Ждать утра свежего — ведийского рассвета...
Преодолев столетья, дебри, топи...
Открыть легенду «Возвращенья света».

И вот оно, бессмертное желанье,
Слилось с легендой, управляя телом,
И расцвело любовью мирозданье,
А половинки засияли в целом.

¹ *Амрит* — напиток богов, делающий их бессмертными.

Гороскоп

(Подстрочник Гюзели Стрелковой)

Когда рассыпан цвет, а запад тень закрыла,
Найду ли я ответ в приколоте луче,
Что в звёздных мотыльках жемчужиной застыла,
Шепча молитву утренней свече.

О, искры в лепестках — мерцанье небосвода...
Астролог что прочтёт в затейливой игре?
Что в каплях золотых? — В них светится свобода!
Капризный чей зевок, оставив на земле?

И думал я о них, к ногам деревьев упавших,
Как коротка их жизнь и к увяданью путь,
А ветер всё считал, перебирал летящих,
Сметал и торопил: «Уснуть пора, уснуть».

И в этой арифметике, сбиваясь раз от разу,
Выказывал упорство, то нежность, то каприз,
И вихрем лепестков, что непривычно глазу,
По белому листу от неба до земли.

По чистому листу, не ошибаясь ни разу,
Развешивал деревья, что в нови расцвели.

Цветы дерева Ним¹

(Подстрочник Гюзели Стрелковой)

Терпко-сладким дыханьем наполняется дом.
Ним в цветущем круженьи — белый сон за окном.
И когда поливает мама тулси² в саду,
В волосах и кувшине цветы Нима найду.

Словно мыльные крохи, увяданья им нет.
Это кроткая радость — осыпается цвет.
Многолетнее древо — образ чистый, простой,
Что дарует прохладу, тепло и покой.

Дух родной и душистый — нрав седого отца,
Прикасаюсь к стволу — душе праотца.
На память приходят строки Упанишад³,
На ковриках старых богомольцы сидят.

А под деревом тело земное отца,
Гирлянды цветов, в памяти огольца,
В распущенных маминых косах поток
Белоснежных бутонов, что белый платок.

Осыпается Ним, водопаду под стать,
Утешение слёз — пряная благодать.

¹ *Ним* — вечнозелёное дерево семейства мелиевых.

² *Тулси* — базилик

³ *Упанишад*ы — древнеиндийские трактаты религиозно-философского характера.

Махавидья Ади Шакти

Арти
«Одиннадцатая махавидья
Ади Шакти — вдове брамина»

I

О! Ади Шакти — мать всего мира!
Поёт о тебе неусыпная лира.
О! Бесконечность твои чертоги.
Все восхваляют тебя Боги.

Припев:

Она черна, непостоянна,
Её одежда грязна и рвана.
Чувства Её — ярость, коварство,
Голод, жестокость, жажда, упрямство.
Отвисшие груди — вдова брамина,
Вздорный аспект — недовольная мина.
На колеснице Её ворона,
Корзинка из прутьев — погибшая крона.

II

Ты все книги и Ты все веды,
Уничтожаешь любые беды.
Ты и в малом, Ты и в великом.
Всех восхищаешь своим дивным ликом.
Все направления Тебе подвластны.
Во всех формах времени Ты прекрасна.
Сила Твоя в каждом атоме мира,
Поёт о тебе неусыпная лира.
О! Бесконечность твои чертоги.
Все восхваляют тебя Боги.

Атал Бихари Ваджпай

Погибель, но не поражение

(Подстрочник Веры Лебедевой)

Сегодня тьма бросает вызов.
Наш рок — борьба, наш путь суров.
А имя мукам — тирания,
И власть с программой деспотия
Вооружилась до зубов.
Мы безоружны и неравны.
Луч света меркнет в бесстыдстве зла.
Все страхи прочь — борьбы путь главный
Не испугает нас смерти мгла.
Последний шаг Ангад отмерил.
Война, разруха, наш грозен враг.
Но каждый вздох нас в жизнь уверил,
Мы твёрдо знаем — разгоним мрак.
А произволу на потеху
Нас не согнуть и не сломать.
Упорство — грозная помеха,
Свобода — света благодать.

Вадья Натх Мишра

В нём есть мой блеск

(Подстрочник Марии Щегловой)

Солнце сегодня по-новому светит,
Земля пробудилась, и это ль не радость?
Дух мой земному блаженству ответит —
Вдыхая цветов ароматную сладость.

Золото в землю ушло из амбара.
Тело ликует — земная работа.
Иная для зёрен спелых сансара¹,
А для меня — о посеве забота.

Солнце сегодня по-новому светит,
Поле моё благодарно вздыхает,
Небо над пашней сияньем ответит,
Сердце от счастья и нежности тает.

¹ *Сансара* — круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии.

Рамешвар Камбодж

Солнце по-прежнему всходит

(Подстрочник Александра Беликова)

Миллионы живущих, а тьма и тьмы мёртвых.
О смерти ли думать с восходом светила?
«Поборник» с косою живёт в душах чёрствых,
А сердце живое Всевышнего лила.

О! Мудрость, враги твои света не имут,
Что по пустыне невежества бродят,
Лишь потому пораженья не примут,
Зёрен твоих для себя не находят.

Им и не нужен бакшиш¹ просветленья,
Умысел тайный, что в вечность уходит.
Страстями мирскими горит их стремленье,
Солнце для них, не проснувшись заходит.

¹ *Бакшиш* — взятка.

Сампуран Сингх Калра

Ростки любви

(Подстрочник Виктории Базылёвой)

И вспыхнул гимн вселенских муз,
О не взаимности молчи,
Когда рождает дух союз
Сердец, что дрогнули в ночи.

О! Чувств поток — реке родня,
Не гладь озёрная в тиши,
Не горизонт в безбрежье дня —
Безбрежный океан души.

Стремнина ввысь, за облака,
Гонима ветром-пастухом.
О! Серебристая река,
На хмураясь, порождает гром.

Из-под небес, сорвавшись вниз,
Слезамы смытая печаль.
Судьбы каприз? Любви каприз?
Всё, что разрушено, не жаль.

И снова ввысь, как лютни звук,
Мажор звенящей тетивы,
То не молитвы мерный стук
И не победный марш войны.

Любви прекрасный аромат,
Имён блаженному не счесть,

То чувств возвышенный парад,
Эмоций неземная весть.

Ей зло и алчность не сестра,
В ней завершённость — не ущерб.
Жизнь удивительно пестра,
Когда любви сияет герб.

Подарит мир, взрастит зерно,
Заботясь, что родная мать,
И улыбнётся озорно —
Игры её нам не понять.

В холодном инее алмаз
Горит вопросом золотым.
Родился ты в который раз?
И для чего? Чтоб стать иным?

Чтобы кипела снова кровь
По жилам, словно по ветвям,
Чтобы ответила любовь,
Откуда Вы? Я нужен Вам?

Я не прошу Вас быть со мной
Или не быть — не в этом соль.
Сюжет написан не тобой...
Вот в этом счастье, в этом боль.

Гириджа Кумар Матура

Будь начеку солдат

(Подстрочник Олеси Корюка)

Будь начеку солдат!
Распахнуты границы,
В историю скользят
Всей кривды вереницы.

Что ж, свет не заслонить,
Над прожитым глумиться?
К чему судьбу винить —
Жизнь упорхнула птицей.

А память не сотрёт
Все прошлые печали...
Из праха мир встаёт,
Монархи тленом стали.

А ты не спи, солдат! Оковы сожжены,
Эпохи ураган, предвестники войны!

Надежды факел путь
Нам осветил во мгле.
Врага сковала жуть
В затянутой петле.

В волне джан Ганги¹ свет,
И это вечный взгляд.
Знай: в вере наш ответ.
Будь начеку, солдат!

¹ Ганга — в индуистской мифологии небесная река, спустившаяся на землю и ставшая рекой Ганг (на санскрите имя женского рода).

Переводы с французского (2011 г.)

Матьё

Не подавая вида

Вы были ни причём, не требуя вниманья,
За неприступностью скрываются желанья.
Готов взлететь для Вас я ради «Да»!
Но платит непреклонностью судьба.

Как трижды ни причём блуждающий порок,
Лишь несколько во мне скупых рождает строк.
Где нет ни прошлого, ни настоящего,
Лишь ложь струится говорящего.

Сказать мне нечего, не извратив игривость,
Соблазн и непристойность в лёгком «па»,
Мне ранит душу хрупкая невинность.

Под музыку, где кружится толпа.
Химерой покорённая сметливость...
О, безрассудство, вот моя тропа!

Галантные стихи

Я вижу Вас во сне; высокий, бледный лоб
В испарине, Вы в ожиданье чуда.
Зачем любить чуть-чуть, когда толпа взахлёб
Пылает страстью? Вы, мадам, откуда?

С какого полотна? Из-под вуали Вы...
О! Сколько в Вашей стати благородства!
Не разгадать душе, волшебные черты.
Глядите из времён Короля Солнца.

Какою мукою художник отделил
От мира? Лишь улыбкою Джоконды,
Где неразгаданности тайны сохранил.

Но в Вашей чистоте, как в капельке воды,
Очарование души влюблённой.
О! Так бы мне любить любовью потаённой.

В осеннем лесу

Перелесок в солнечном сиянье,
Мёртвого сезона пряный запах,
Детскости и взрослости слиянье,
Жёлтый бархат в золочёных крапах.

Сладость звуков ручейка лесного,
Настоявшейся листвы опавшей
И бесстыдство клёна озорного,
Вспомним, друг, о юности сбежавшей.

И когда весенним утром встанет
Горизонт зелёною стеною,
И труба походным гимном грянет,

Вдаль мечты помянут нас с тобою.
Мчимся мы, как рыцари в доспехах...
В детских забавлялся день утехах.

Ласточка России

Пусть Вас не оскорбит привязанность моя,
Тень дерзости не тронет имя Ваше.
На взгляд, надежду робкую тая,
Я обращаюсь мыслями к Наташе.

И утро то наградой мне дано,
Вы небожитель в голубых нарядах.
С покоем, что ж, расстаться суждено,
Мир разума в лирических руладах.

Всё благородство сердца отдаю
В залог, мой ангел добрый, ясноокий!
Слагаю вирши и для Вас пою.

Душа моя, мой странник одинокий.
В хмельной, холодной жизни Вы — весна!
Я — Ваш вассал, мне нынче не до сна!

Цветок в петлице

Мы уходили далеко.
Трепещущее знамя, суматоха.
Фатальный марш гремел легко,
Не вызывая грусти вздоха.

Весна прощалась навсегда.
«Жизнь — это чудо». Мы вернёмся.
Пусть не постигнет Вас беда,
Мы в детях наших остаёмся.

И в ожидании хмельном
Поют нам здравицу лихую.
Цветок в петлице, мы втроём,

А я уже по Вам тоскую.
В ружьё. А завтра — завтра бой.
И вот ОНА стоит с косой.

Случай в «Опера»

Решил я слушать классику
И в оперу ходить.
По случаю счастливому
Сумел билет купить.

В костюме от Кардена
Шёл в оперу Гарнье.
Весь на манер Ружена
С душою сомелье.

Сверкали люстры золотом,
Я двигался в партер.
И тут меня как молотом:
— Посторонитесь, сэр.

За ветреницей стройною
По красному ковру,
Пришпорен страстью знойною,
В бессилии тону.

Но что за наваждение?
Я совершил кульбит.
Мадам кричит в истерике,
А грудь в руке лежит.

Тут крики, там овации,
Провален мой дебют.
С тех пор в театрах Франции
Билет мне не дают.

Переводы с грузинского (2014–2015 гг.)

Тициан Табидзе

Потух в моей душе сионский звон...

Потух в моей душе сионский звон,
Но вспыхнула священная свеча.
Трёмстам хевсурам мой земной поклон.
Великой пыли тлен смахну с меча.

Печальна голубая грудь страны.
Пусть я не видел той горячей битвы,
Тот остров мужества, ни крови Марабды,
Мирона плач и горестной молитвы.

В осиротевшей Светицховели
Отцеубийца с мёртвыми глазами,
Его жена царица Дадиани
И отрок Отиа дорогой Картли шли.

О! Разве ты не слышал, как монгол
Землетрясением ворвался в Цицамури,
Как непреклонен, как жесток и зол...
Кто остановит этот голос бури?

А стон Арагви? Что не слышал ты?
Политы камни кровью Александра.
Костей курганы, чёрные кресты —
Об этом ли пророчила Кассандра?

А я спою! И не моя вина,
Я пыль дорог, я пепел — так уж вышло.
Услышьте и налейте мне вина —
Пою в агонии, надеясь, что вам слышно.

Поэт

А слово к слову не ложится,
Но для него прочту я стих.
Дрожанье звука, звона мнится,
И говор сердца не утих.

А замолчать оно не смеет —
Я не виновен в сём грехе...
Когда в борьбе духовной зреет
И тайной плавится в стихе.

Ты понимаешь, друг мой милый,
Как неподвластная любовь,
Слог не ложится легкокрылый
И не поётся песня вновь.

Но я представлю все же стих
Забывтой, краденой строкой.
Геройски выписанный штрих
Моею смелою рукой.

Строка к строке, крепчает вязь,
Любовь вплетая в бесконечность.
И напевая, и смеясь,
Свирелью стонет скоротечность.

Мне кажется, что нить стиха
Бессонница в руке держала.
Смывает пену дождь с греха,
Что девственной строкой упала.

А я ищу и нахожу...
И, погибая, возвращаюсь...
Светильником во тьме служу,
Медовой свечкой растекаюсь.

Натунии Церетели

Что же ты ищешь здесь каждый раз
В этом заброшенном Ананури?
Что чёрный, что белый Арагви — алмаз,
Тайны хранящая, бури.

И что за печаль, что не видели Вы
Творения Врубеля — лика Тамары?
Лишиться рассудка ли, головы
След, скрывший подлунной тиары.

И это в наследство оставлено нам.
Вдохнул в тебя вечность демон крылатый.
Прекрасна, подобна цветку «мариам»¹
Что трепетной тайной объятый.

Ты слышишь? Тебя воспевают поэт!
И жизнь, что доселе глумится над нами.
Забиты: печаль, чёрный траурный цвет,
Мечты, что приходят ночами.

Что ж, только на камне пером начертать,
Устал, надорвался, по силам ли бремя?
Ритм пойман, и я продолжаю шагать.
Бессмертным в неволе поможет стать время.

Для Вас я умру сто и тысячу раз,
Беру я в свидетели Ваш Ананури.
И пусть предначертан мой день и мой час,
Предсмертный напев одолжил я у бури.

¹ *Мариам* — тубероза.

Рассвет

Рассвет забрезжил золотой,
Явилось солнце в томном свете,
Встав над грузинской горой,
Всё не поёт ещё о лете.

Бессонницей метель больна,
Луна то вынырнет, то сгинет.
Грохочет Терека волна,
Шумя внизу Арагви стынет.

А солнце плавит белый наст,
Гора дробится невидимкой,
Швыряет ветер рыхлый пласт
С небес. Укрыт Казбек перинкой.

Гордец, не знавший красоты,
И смерть его не напугает.
Не видит неба чистоты,
Его ничто не удивляет.

А я дышал строкой стиха
Великого Важа-Пшавела.
Жизнь осиянного штриха,
Что памятью в века летела.

Галактион Табидзе

Балаганный царь

...откуда я пришёл? И это знаю.
Где солнце плавит город золотой.
Великого учителя сменяю.
Предшественник мой ликом — что святой.

Я петь могу, но не пою, как должно:
Что несравненность сравнивать пытаться...
Заветы старые — я лгну к ним осторожно.
Забывтый Богом хочет удержаться.

Я звёздами жонглировать научен,
А высшая награда — пониманье.
Кто к ресторанной музыке приучен,
«Наргизи»¹, ставшей шлюхой, оправданье?

Для вас оркестр играет приглушённо.
Зазывно, страстно негрятянка пляшет.
Но вот поэт на сцене: обречённо
Словами дерзкими, что землю плугом пашет.

...ну что ж, умру царём я балаганным,
А царственное лишь в душе моей.
Взываю я к собратьям осиянным:
Признать, что здесь я пел как соловей.

¹ Невинная.

Снег

Безумно люблю я фиалковый снег
За девственность. Белой стеною с моста...
Печальный, холодный, непонятый бег,
Влюблённость дана неспроста.

Мой милый! Под снегом трепещет душа,
Дни мчатся, старея, белею и я.
Быть может, вернусь я надеждой дыша,
Обитель небесная примет меня.

О! Это и есть жизнь такая моя.
Январь-побратим, ты не в тягость, поверь!
И мне не забыть, к тебе нежность тая,
Как снежные руки открыли мне дверь.

Мой милый! Я вижу полёт ваших рук,
Когда исчезает под снегом земля,
Когда засыпает всё снегом вокруг,
И путь ваш узрел из обители я.

За это люблю я фиалковый снег,
Застывшие реки, седые поля.
Печальный уход, мерный времени бег
И радужных брызг золотых вензеля.

Снег! Ты сегодня особенно синий,
Тяжёлые сны отпустили меня.
Как пережил снегопад этот зимний?
Ветром каким я заброшен сюда?

Выбран мой путь, но как игры печальны!
Здесь я один, совершенно один.
Слышу твой голос тихий, прощальный,
Тайной и вечной любви господин.

Любил почему? Просто нравилось очень;
Тихие речи кристального дня,
Мёрзлой травы седина у обочин,
Ветер травую звенел для меня.

Жажду я жизни — сейчас и сегодня,
Как бы бездомный желал иметь дом.
Шепчет мне лес — белая сводня,
Чтоб одиноким забылся я сном.

О снег! Этот день голубой благовест!
Снежные хлопья узором ложатся.
Я всё-таки выжил и вынес свой крест.
Ветер, я смог на земле задержаться.

Нино Кокосадзе

Минимы

Минима одиночеству

Ну что же...
Уличный мини-маркет вот же...
Пусть такого пошлёт мне небо,
Чтоб принёс мне буханку хлеба.

Шелом

Три для меня запретно,
Четвёртого я не знаю...
Моя дорога лисья,
Когда тебя поджидаю.
Рыбе — вода, небу — звезда,
Змее — песок, земле — колосок.

Минима лифту

Второй.
Третий.
Четвёртый —
Считает табло этажи,
Ты дом, быть может?
Быть может...
Ах, странные миражи...
Ах, время, ах, всё это время!
Представь себе, мой дорогой...
Третий.
Второй.
Первый.
А может быть, всё же второй?

Ленора

Плакса по имени Ленора
Речкой журчит сердитой,
Мрачный призрак с моста
Смотрится тенью забытой,
В складках подола птица
(Что ж, она не живая...)
Взгляд вниз с моста стремится,
Вопроса не понимает:
— Речка, ты не глубока?
— Нет, моя Ленора.
— Ленора-а-а-а!

Ветер

Пришла,
 Где меня не ждали,
Нашла
Лишь своё одиночество.
Даты и дни не пугали,
Время — немое пророчество.

Внезапная и незваная,
Молилась, взывала к Творцу.
Открылась дорога желанная —
По ветру лечу.

Осень

Когда пылает осень
Пурпуровой эмалью,
И солнечная просинь
Пulsирует печалью,

И от земли до неба
Мост-горизонт гнёт спину.
Так трепетная Геба
Вдруг довершит картину.

А в звёздном небе крохи
Желанием лучатся,
Луны осенней вздохи
В окрестности ложатся.

(На что ты мне, попутчик?)
Коль я сошла с орбиты
И звёздные дороги
Теперь уже забыты.

К земле лечу туманной,
С метафорой сроднилась —
В огромности желанной
Вдруг рифма появилась.

Ты нужен мне, попутчик,
Как паруснику лужа...
Душа, ночной лазутчик
И в сером небе стужа.

Когда пылает осень
Охристыми тонами,
Вечнозелёный гребень
Украшен янтарями.

Сон

I

К берегу, желаньем сгорая,
Ластится нежно волна.
И, серебром отливая,
В лунном сиянье сверкая,
Словно русалка нагая,
Мокрая галька видна.

II

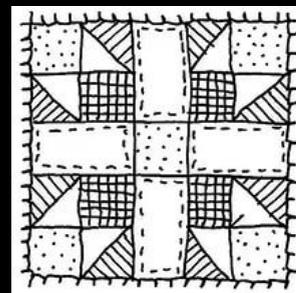
Брызги в подлунном сиянье,
Пена волны серебрится,
Что Богородиц явленье,
Всё в перламутр рядится.
Утром туманным и ранним
Селится в цвет олеандра...

III

По небу лунный осколок — жёлтая лёгкая лодка.
Небо же цвета моря, и не подводит сводка:
У моря чёрное горе — береговая тоска.
И отчего оно чёрно, не спросишь и у песка...
Март пролетел, что ветер, нынче плачут мимозы,
Снова в душе беспокойство, а на ресницах слёзы.
Ждала я у горизонта, можешь спросить у чайки...

ЛОСКУТКИ

Эссе

Рождение

Дамы и господа, леди и джентльмены, судари и сударыни, сеньоры и сеньориты, женщины и мужчины, бабы и мужики, фраера и телки, товарищи...

Тёти и дяди, сёстры и братья, племянницы и племянники, внуки и внучки...

Сосед и соседка, сотрудники и сотрудницы, начальники и подчинённые, друзья и подруги, влюблённые и любовники, мужья и жены...

Калейдоскоп, калейдоскоп отношений: официальных и деловых, явных и тайных, чистых и низких, серьёзных и фривольных, высоких и обыденных, случайных и запрограммированных, притянутых за уши, может, и никому не нужных, но состоявшихся, с последствиями, с продолжением, со слезами и улыбками, со свадьбами и разлукой, с радостью и горем. И раз всё это есть, и раз всё это происходит, значит, кому-то это надо?

У дождя своя элегия,
А у моря шум прибоя.
И у каждого стратегия —
У кухарки и ковбоя.

Пишешь, как по наитию, мазками, солнечными бликами, разноцветными пятнами, под дождь, под радугу, под завывание ветра, под шум дождя и берёз, под звон ручейка и соловьиную трель. Словно водит кто твоей рукой по бумаге.

А ты просто в бархатной неге, подчиняешься, ты — инструмент, ты пишешь.

Выводишь иероглиф тоненькой кисточкой, чтоб со смыслом, который вкладываешь; ан нет — всё, как в жизни; бац, и цветная клякса эдакая неопределённой формы.

Можно, конечно, придать форму; можно сознательно, но не факт, что получится верно, а можно отпустить ситуацию и не менять форму, пусть себе растекается, как получится, а может просто засохнуть, засохнет и ничегошеньки не изменить.

Ну, на худой конец, махнёшь рукой, плюнешь — Судьба...

А может, просто не тот путь выбрал, не на ту лошадь поставил...

Да, хорошо быть мудрым, но не просчитать всей ситуации до конца, всё иллюзия.

Хотя каждый сам творец своей иллюзии.

Стенаешь, если что не так, посыпаешь голову пеплом, бежишь к гадалкам, к психологу, обращаешься к Богу: «Прости, Господи, все прегрешения!» А осознать какие, до конца понять какие, не каждому дано, а если и дано понять, то где эта уверенность, что до самого конца, до самого доньшка узнал ты истину и тяжесть греха. Вот и мыкаешься по жизни, а казалось бы, всё так просто.

Десять заповедей, три благодати, семь святых таинств, семь смертных грехов, четыре последняя и достопамятная.

Живи, не отступай от правил, всё дано, все всё знают, всё написано и сказано, с к а з а н о...

А сказано ли? Ой ли...

И ведь каждый начинает свой рассказ с первого крика, с первого шага, с первого МА...!

И у неё было всё так же, как и у всех, а может, и не так, ведь не каждый рождается уже побитый в утробе, либо оттого, что его не очень-то ждали.

И вот ты нежеланный, а пришедший вовремя ли, а может, и не вовремя. Но ты есть, ты кричишь, требуешь внимания и любви. А всем некогда, у каждого свой рассказ, своя песня. И тебе ещё неизвестна эта простая истина: человек приходит на этот свет один и уходит в одиночестве.

А наивный комочек смотрит на мир чистыми, лучистыми глазами и дарит всем безграничную любовь, самую искреннюю, самую сильную и самую прекрасную.

Ты приходи...

Ты приходи, я заварю для тебя чай в стеклянном, прозрачном чайнике, с веточками мяты и цветами календулы. Я положу семь соцветий, и они веночком будут плавать на поверхности, отдавая всё самое ценное в отвар, которым я тебя напою.

Нет, лучше я заварю чай с липовым цветом, сладкий аромат которого расскажет тебе, как сладко мне в твоих объятиях. Я поставлю на стол букет ярких, красных роз с капельками росы на лепестках, и ты, конечно, поймёшь, как пылко и трепетно рядом с тобой стучит моё сердце и как коротки наши встречи. Их время — время высыхания росы на лепестках в жаркий день.

Ты приходи, и я усыплю белыми лепестками чайных роз наше тайное ложе, где каждая моя клеточка поёт о любви, тянется к тебе и готова раствориться и исчезнуть в вихре чувств.

Ты приходи, и я подобно календуле отдам тебе всё самое дорогое, что у меня есть: мою любовь, моё сердце, всю мою нежность...

Вот только душу, душу я сохраню для другого...
Ты приходи!

Долгожданное счастье

Вот уже целые сутки, как время для неё застряло, оно как будто бы поперхнулось и не прокашляться, не проглотить, не продохнуть.

Даже небо остановилось, тучи не меняли форму, а лишь висели серым киселём над окном.

У окна стояла она, давно стояла, пять или шесть часов, и ждала, время для неё утратило весь свой смысл, оно как бы слилось в одну точку, в одно мгновение, в эту долгожданную встречу, которая никак не могла наступить.

Плотно сжав губы и кутаясь в белый вязаный платок, кисти которого свисали по самые щиколотки, и подсолнухи, вывязанные умелой рукой обнимали её стройный стан и нервные плечи, которые вздрагивали от любого звука, от каждого шороха.

Казалось, она превратилась в слух, её не существовало, жили только уши и глаза.

Вот сейчас из-за поворота выскользнет долгожданная машина и появится он, вот сейчас...

Она ждала, ждала, как Ярославна в Путивле, как Пенелопа на Итаке...

Скорее всего, она ждала, как голодные ждут куска хлеба либо жаждущие глотка воды...

А он отчего-то не шёл.

— Ты где? — стучало в висках...

Соблазнительно темнел мобильник на подоконнике.

— Нет, дождусь... Звонить не буду. Раз обещал, значит придёт, — неслись мысли.

Желание встречи жгло, скручивалось в упругий жгут. Он сдавливал изнутри. Было не понять, отчего, отчего так больно. От любви, от страсти, от нетерпения?!

Не выдержала, вызвонила любимого.

Говорить было невыносимо трудно.

— Мне плохо, мне очень плохо! — задыхаясь, простонала она. — Ты мне нужен.

— Что случилось, ты дома?

— Да. Душа болит... Очень... Ты нужен, сейчас, — сдавленным, потухшим голосом шептала она.

— Завтра, буду завтра, сейчас не могу.

— Мне больно, плохо, — губы еле слушались, слова ползли измученные и тихие. — Мне необходимо тебя видеть, сегодня, сейчас.

— Ладно, буду, жди.

Прошёл час, другой, третий и наконец звонок.

— Извини, не могу, буду завтра, потерпи.

Ответ придавил к стене. «Надо куда-то сесть», — пульсировало в висках. Спасительное кресло выгнулось рядом.

— Не любит... Раньше чуть ли не каждый день приносился. Просто увидеть, а она улыбалась и не подпускала близко. Да, ухаживания ей были приятны, но не более.

Теперь он улыбался и приходил всё реже и реже. Сегодня хозяйничала неразделённость. Как смог он так быстро перемениться?

После двухнедельного противостояния, после изнуряющего молчания она не выдержала — позвала. «Заеду завтра».

— Слово ведь какое? — думала она. — Не придёт, не приедет, а только «заедет».

Что-то в этом слове ей казалось неполноценным, незаконченным, и факт присутствия в этом «заеду» какой-то куцый что ли.

— Когда? — с усилием выдавливает она.

— После обеда.

И снова небо: серое, неласковое, неулыбчивое. И она у окна, она ждёт это — «заеду».

Два пополудни, три, четыре, четыре пятнадцать. Не выдерживает, схватила мобильник

— Ты где?

— Сказал буду... буду, минут через двадцать.

Эти двадцать минут — после безысходного одиночества, после двух недель невыносимого молчания...

— Ты опять приедешь на полчаса? Учти, я закрою тебя и не выпущу, я буду любить тебя столько, сколько я захочу, слышишь!

Лёгкий смешок в трубку: «Хорошо любимая, хорошо».

Чистые простыни, лёгкая «латинос», мелодичная с шумом прибоя, свечи, горячий кофе с ванилином, как он любит, чай в стеклянном, прозрачном чайнике с соцветиями календулы и листочками мяты.

Двадцать минут, какие они бесконечные эти двадцать минут...

Ура! Ленивая стрелка их проползла! А его всё нет...

Внутри всё рушилось, расплывалось. В итоге — рассыпалось, улетучилось. Какая-то пружина внутри сначала закрутилась до упора и, не выдержав, мгновенно распрямилась.

Накатило холодное безразличие. И он пришёл, но не через двадцать минут, а через полтора часа, довольный и чувствующий, что пауза выдержана.

Вот он я — желанный и долгожданный...

Съел с любовью приготовленный омлет, выпил кофе и от чая не отказался.

Как-то сыто, по-хозяйски её обнял, приласкал.

— Ну что, успокоилась?

Она благодарно прижималась, готовая отдать всё, лишь бы удержать это «долгожданное счастье» подоль-

ше. Понимая, что оно испаряется, как вода на рыжей сковородке, оставляя на днище белёсые пятна.

— Ладно, мне пора.

— Не пушу, не пушу, ты обещал!

— Не грусти... завтра заеду.

«Заеду» и «заеду», — звучит как оплеуха.

— Хорошо, — шепчет она, опустив плечи.

Он встаёт и уходит. Быстро почти бегом, не дожидаясь даже, когда она наденет тапочки и проводит его к калитке. Она понимает — «завтра» не будет.

Не так, всё не так, — горько стучит её сердце.

На реке

С утра небо улыбалось, улыбалось чистотой, прозрачностью, голубой бездонностью.

И вдруг в этой бесконечной лазури появились два белых пушистых облака. Как две удивлённо приподнятые брови, они скользили по небосклону. Удивление сменилось беспокойством, лёгким порывистым вздохом ветра, и откуда-то быстро стали наплывать сначала серо-белые, а затем и совсем серые, грузные облака. К полудню небо недовольно нахмурилось.

Лес за рекой притих, от него по реке потянулся тонкий, дурманящий запах молодой травы, лесных цветов, хвои и земляники.

Река бесшумно переливалась своей гладью, в которой запуталась по берегам жёлтыми цветами одо-лень-трава.

Первые тёплые капли нарушили её покой. Река возмущалась то мелкими, то крупными кругами, которые набегали один на другой, образуя огромный кружевной платок, а между кругами вдруг изредка

выдувались крупные пузыри и лопались с лёгким шумом.

Река лопотала: о любви, жизни, красоте, а может, о печали или радости.

Но рядом с этим лепетом было спокойно, радостно и, несмотря на дождь, уютно.

Белый берег

В окно хорошо видно реку, почти до излучины. День солнечный, белым ковром огибает искристая река крутой берег.

Снежно и морозно.

Но мне нехолодно, ты обнимаешь мои плечи, рядом с тобой тепло и уютно.

— Красота какая! А весной, когда цветут яблони: река золотится, воздух не морозный и прозрачный, а тёплый, ласкающий, напоённый запахом цветущих яблонь и белая кипень над рекой...

— Ты обязательно увидишь и эту красоту...

А мне и сейчас замечательно. Я оборачиваюсь, щёки мои пылают, заглядываю в твои глаза, они светятся счастьем и любовью. И для меня яблони цветут уже сейчас в этот морозный, зимний день.

Отец

— Здравствуй, сынок!

— Здравствуй, отец!

— Ты очень бледен, отец, и взгляд твой тревожен и глубок. Здоров ли ты? Что тревожит тебя, не приключилось ли какого лиха?

— Да нет, всё хорошо сынок, всё хорошо...

Но тёмные круги под глазами, резкие морщины на лбу и на щеках говорят сыну о другом.

Плохо и беспокойно на душе у отца, а что печалит его, не говорит, молчит.

— Пойдём, сынок, пройдемся вдоль реки.

Тихая по-осеннему река молчит, как «хранящая тайну», и лишь голые ветки лип, берёз, и ольхи мечутся на ветру, пытаюсь рассказать сыну об отцовской боли.

Вздыхает отец, тяжело вздыхает и вырывается с этим вздохом, какая-то безмерная грусть и безысходность.

Проходят мимо люди, здороваются. Не видя никого, отец просто кивает. Взгляд же его где-то блуждает, у чьей-то околицы. Сын проследил тревожный, продёрнутый страданием и чем-то ещё непонятным и неосознанным, взгляд.

Стало ясно и понятно: вот она любовь и беда его отца.

Другая, другая...

— А как же мама, отец?

— Что? — как-то очнувшись и ещё сильнее побледнев, спросил отец.

— Как же твои догмы о семье, о единственной на всю жизнь женщине? Как же наши семейные устои? Неужели тебя так крепко держит и лишает покоя то чувство, от которого, ты считал, можно сравнительно легко избавиться, уехать, забыть, начать всё с чистого листа, помня лишь верования нашей семьи? Так используй свои уроки и опыт и слова, которые когда-то говорил мне.

Но молчит отец. Как сказать сыну, что сидит эта заноза так, что можно вырвать её только с сердцем? Как рассказать ему о том, что только рядом с ней дышать легко и просто?

При мысли о том, что больше не увидишь её или кто-то её у тебя отнимет, стынет кровь в жилах.

— Всё пройдёт, сынок, — тихо произносит отец, — это как болезнь, всё пройдёт.

Наверное, сам в это верит, хотя, ох, как не хочется расставаться с весенним трепетом, дурманящим поцелуем, с крыльями, благодаря которым летишь как в юности. Лишь бы заглянуть в зелёный омут, задохнуться сладким ароматом. Кружит хмелем голову. Понимаешь: не стар, умеешь любить. Сердцебиение не от возраста, а от пьянящего, как молодое вино, чувства.

Стена

Серая, холодная, шершавая, бетонная стена. Опора.

Для кого и чего?

Кто поставил к той стене?

Сказал: «Держись!»

За что? За холод?

— Да нет, — говорят, — надёжная, железобетонная, не подведёт. Так вот держись и двигай вперёд. Не подведёт, хоть всю жизнь опирайся и иди.

Опираюсь лбом и ладонями. Ладони в царапинах, щеки в кровоподтёках, лоб в ссадинах.

Но это ничего, ведь держит, ведь опора. И неважно, что холодно, больно и не греет, неважно, когда просвет и тепло, главное — опора.

Шагай, обдирай лоб, щеки, ладони, дрожи от холода и серости, но иди по прямой, опираясь на стену.

И нет надежды на перемены — зато рядом с монолитом.

А сколько ещё... Нет сил больше. Уныло, холодно, одиноко и больно.

Ручейки крови стекают по щекам и падают на ботинки. Ну и что же, что неудобно, зато надёжно. Ну и что же, что больно, зато не подведёт, не рухнет, не отступит и опять же опора.

Но не хочу, не хочу. Будь что будет, повернусь к ней спиной, а там куда кривая.

— Какая кривая! Тут опора, надёга, и потом — не надо думать, шагай себе по прямой.

Но ведь больно, серо, уныло и холодно — не могу.

— От опоры хочешь оторваться? Рискуешь.

Да наплевать, сил нет. Всё, всё, будь что будет. Поворачиваюсь.

Мамочка родная.... Как же так, как же...

Синь над головой, облаками расцвеченная. Трава зелёная.

Берёзки-барышни шумят. Тропинка петляет, птицы поют так весело.

А вон, вон пруд с кувшинками.

— Но опоры-то нет, идёшь сам, без поддержки?

Ой! Точно. Ноги подкосились от этой мысли.

Сажусь на траву на берегу пруда. Опускаю сначала руки, затем лицо в воду.

Блаженство. Вода ласкает и успокаивает ссадины. Боль утихает.

Поднимаю лицо из воды. Вижу своё отражение. Оглядываюсь назад и вижу стену и своё отражение в пруду, и плачу. Плачу от другой боли.

Сколько времени, сколько времени у стены — зачем? И кто навязал эти верования про такую опору по жизни?

Половина пути пройдена и не так и не туда?

И только измотавшись от холода, боли и серости, повернулся лицом к прекрасному.

Хоть бы успеть, пусть болен и изранен, но хоть чуть-чуть, да по-человечески.

Пустота

Пустота — это хорошо или плохо? Когда рядом никого, когда душа пуста, нет вопросов и ответов?

Пустой дом — когда никого и ничего, ни людей, ни мебели — так, пустые стены, пустые углы, совсем ничегошеньки.

Но так ли это плохо? Пустоту можно заполнить. И твой выбор чем: радостью или печалью, любовью или ненавистью, мудростью или глупостью, добром или злом, улыбкой или угрюмым взглядом.

Пустой дом можно обставить новой мебелью, повесить занавески, развести цветы на подоконнике, завести кота или попугая, испечь пирог, чтобы пахло ожиданием, любовью, заботой и теплом. В этом доме можно дарить радость и радоваться самому, любить и быть любимым.

И только не надо стязать, желать всего и много, зарываясь в ненужных вещах, путаясь в ненужных чувствах, раздражаясь по пустякам, растрачивая мудрость и терпимость, озлобляясь, негодовать на всё и вся вокруг.

И вот тогда обязательно захочется от чего-то или кого-то избавиться — понадобится пустота, чтобы всё сначала, всё с нуля, всё по-другому.

Крещение

Солнце медленно, рыжим сияющим диском поднимается из-за реки, туман потихонечку рассеивается. Ртутный столбик ползёт вверх от тридцати к двадцати семи градусам мороза.

Утро Крещенья.

Морозно, морозно так, что ломит виски, щиплет щеки, очень быстро мёрзнут ноги и руки, начинаешь пританцовывать и кутать нос в воротник либо в шарф.

Народ собрался у собора Петра и Павла. Уже вынесены праздничные хоругви, крест, иконы, и торжественная процессия движется к Игумнову оврагу, к белоснежной часовенке, прислонившейся к искрящемуся снежному склону.

За седые вихры деревьев зацепилось утреннее светило, пытаясь медленно выпутаться и подняться над склоном, часовней, мостком через овраг, полоскалкой и хорошенько рассмотреть действие у источника, у часовенки, название которой — часовня Богоявленной иконы Божией Матери.

Скрипит снег под ногами, а на пороге часовни развеваются праздничные хоругви, сияет крест, иконы в золотых окладах, горят свечи, подобно маюсеньким искоркам солнца, и над всем этим: «Слава Тебе, Господи!»

Слетают головные уборы с голов мужчин, склонили головы женщины: «Прокимен глас третий...»

Мерное покачивание, подпевание, благость на лицах верующих.

«В Иордане причащающегося Тебе, Господи!»

А самое главное, несмотря на трескучий мороз, празднично и тепло на душе.

Ты причастен! Причастен к высшему действию. Ты прикоснулся к таинству освящения, ты участник светлого праздника.

— С праздником, Нина Петровна, с праздником, Дмитрий Георгиевич, с праздником, народ православный!

И все, все вокруг родные и близкие, и уже пора, пора идти в храм за освящённой водицей.

Радость, радость переполняет всех участников крестного хода, и у каждого на лице добрая и светлая улыбка.

С праздником вас, православные!

Лекарство от греха

Малиновый звон над белой Тарусой, над белой площадью, по белым улицам от белого собора плывёт к реке, а навстречу ему с горки от храма Воскресения Христова, по Игумнову оврагу встречный перезвон.

Зовут, зовут колокола, зывают к службе.

Утро. Воскресенье. Праздник.

А сегодня праздник особенный: из Оптиной пустыни в дар храму и всем нам привезли священную раку с мощами святых старцев.

Стекается народ в собор, и уж стать негде, а люди всё идут и идут.

Красная ковровая дорожка расстелена от порога до алтаря, в центре зала кафедра, празднично сияет паникадило, торжественно горят свечи, ни одной пустой лунки в подсвечниках. Яркое солнце заглядывает в окошки главного купола. Храм залит каким-то волшебным светом.

Все священнослужители облачены в золочёные ризы, служат воскресную литургию. Сам митрополит Калужский и Боровский Климент ведёт службу, с ним восемь священнослужителей и иподьяконы.

Тихо, лишь общее мерное в такт молитвам дыхание, и только редкие крики младенцев-причастников, и частый шёпот: — Передайте к празднику, — нарушают стройную красоту службы.

— Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

А в душе:

— Слава Тебе, призвавшему меня к жизни;

— Слава Тебе, явившему мне красоту Вселенной;

— Слава Тебе, за этот светлый солнечный день;

— Слава Тебе, что привёл меня познать красоту

мира.

Восемь священнослужителей становятся напротив друг друга по четыре, входит на возвышение митрополит, служка подносит Евангелие, рядом с ним встают иподьяконы с дикарием и трикарием в руках.

— Прокимен глас...

Чтение Священнописания окончено, и все священнослужители поют молитву, а поют так, что душа, чуть-чуть отделяясь от тела, стремится за тем восторгом, за благостью и красотой пения молитвы.

И тут с хоров начинает звучать «Херувимская».

Разве можно описать красоту песни «Херувимской», разве что сравнить с прикосновением крыл ангелов к душе, которые сметают боль, уныние, грех, в котором ты погряз. И начинаешь понимать, что ещё не всё потеряно, ещё есть надежда и, может быть, чуть-чуть времени на покаяние и очищение.

И вспоминается вдруг притча «Лекарство от греха».

Некий старец заходит в аптеку и спрашивает провизора: «Есть ли у вас лекарство от греха?» — «Есть, — отвечает лекарь и перечисляет: — Нарой корней послушания, собери цветов душевной чистоты, нарви листьев терпения, собери плодов нелицемерия, не упивайся вином прелюбодеяния, — всё это иссуши постом воздержания, вложи в кастрюлю добрых дел, добавь воды слёз и покаяния, посоли солью братолюбия, добавь щедрот милостыни да во всё положи порошок смирения и коленопреклонения. Принимай по три ложки в день страха Божия, одевайся в одежду праведности и не входи в пустословие. А то простудишься и заболеешь грехом опять».

Конечно же, мы нездоровы, вот потому-то и нужны нам горячая молитва, храмовые службы, таинство причастия и крепкая вера.

И как хочется низко поклониться и с восторгом и благодарностью припасть к той руке, которая так заботливо по-отечески и с бесконечным терпением совершает свой христианский подвиг и окормляет православный народ Тарусы.

Вот уж и причастники причастились. С умилением сердца понесут они этот дар в свои дома.

За литургией и причастием следует чудесный светлый молебен святым Оптинским старцам и как великий дар неоднократно звучит:

— Оптинские старцы, молитесь Бога о нас, все Святые, молитесь Бога о нас!

Любовь

— Ты кто? Я тебя не знаю, нет, что-то знакомое...
Может, виделись где-то? Да, да, что-то припоминаю, но сейчас ты какая-то другая, похорошела, помолодела...

Что-то привлекало в этой незнакомке, притягивало что-то до боли знакомое, но в настоящий момент она была иной, изменившейся до неузнаваемости.

— Ты кто?

— Я любовь.

— Ну нет, с любовью я хорошо знакома. Знала и знаю в разных её проявлениях, а ты какая-то другая...

— Да я просто настоящая, та единственная, «большая», забываемая на всю жизнь.

Она искрилась, согревала, ласкала, радовала, переполняла счастьем. И вдруг обняла за плечи — я стала лёгкая, как пёрышко, и это состояние полёта и всеобъемлющего счастья приподняло меня над суетой и унесло в сказку:

Над каким парю меридианом,

Знаю точно, что не над начальным... — стучало в висках.

* * *

— Ну что ж, давай прощаться, слышишь, давай прощаться, я ухожу.

— Зачем, отчего бы тебе не остаться?

— А зачем мне с тобой оставаться, ведь рядом со мной ты уже не радуешься, а чаще плачешь и грустишь, а самое ужасное, что ты задаёшь много вопросов, пытаешься понять и осмыслить то, что выше твоего понимания. Нет, я, пожалуй, пойду.

— Вот так сразу просто повернёшься и уйдёшь? Как же я без тебя... С тобой мир другой, без тебя нет праздника.

— Праздник не может длиться вечно.

— Но ведь ты вечна, о тебе слагают стихи, почти каждая песня о тебе, с тобой душа поёт.

— Ну не только поёт, но и плачет.

— Да плачет...

— Вот раз уже плачет, лучше я пойду. У меня другое предназначение, а раз душа плачет, значит, я ушла. Все уходят, и я ушла, меня уже нет рядом.

— Какая же сила может тебя удержать? Что может тебя заставить остаться?

— Многовековой вопрос, но ещё никто не ответил. Попробуй ответить ты, если тебе под силу.

— Попробовать, не знаю... Без тебя краски меркнут, солнце улыбается по-другому, наверное, жалеет меня, а ты без всякого сожаления покидаешь.

— Да нет, мне тоже было с тобой хорошо. Я внимательно наблюдала, каково тебе со мной.

Это было красиво, ярко, трепетно, пылко, весело, сказочно... Но прощай, праздник закончился.

— Коварная, злая, мимолётная, неверная, жестокая...

— Да, я разная! — улыбнулась Любовь.

Безысходность

Машина неслась, взвизгивая и скрежеща тормозами, а Он гнал её, вцепившись в рулевое колесо, бледный и озлобленный.

Но на кого, за что? Ни Он сам, ни машина, ни рядом вжавшийся в кресло пассажир ответить бы не мог. Тупая злость гнала машину.

В салоне царила безысходность. И никто не мог, да и не хотел объяснить, откуда взялась такая попутчица, которая уничтожала на своём пути: доброе, любимое, дорогое и когда-то очень нужное.

Когда не хватило души, пришла безысходность, чтобы разрушить.

Она как палач приводила приговор в исполнение, круша всё на своём пути, не оставляя даже в самых потаённых уголках души светлого чувства к прошлому.

Свобода

Пружину держали страхи. Подобно чёрным воронам они расселись на её завитках и пугали. От страхов пружина сжималась и сжималась, а вороны накаркивали всё новые и новые страхи. От страха пружина сжалась так, что дошла до своей критической точки, а дальше не то чтобы бояться, она даже думать была не в состоянии. Напряжение всё росло и росло, и однажды, пружина его не выдержала, помимо её воли её разогнуло и выбросило вверх. Чёрные вороны разлетелись, а распрямившаяся пружина запела.

Она пела протяжно и долго на все лады, как бы пробуя силу своего голоса и свободы.

Забудется ли?

Засыпала трудно, прошлое мучило. Не помогали слёзы в подушку. Они не приносили облегчения, а лишь обостряли утрату. Казалось, потеряно самое

главное в жизни, безвозвратно потеряно, как кошелек в трамвае. Эх, не ходить бы по этой дорожке... Не приобрела, и терять было бы нечего. В столах, всхлипах и причитаниях забылась.

Снились чудовища, что-то всё время отнимавшие. Наконец беспокойная ночь закончилась.

Всё забыть, зачеркнуть как дурной сон. Ничего не было, ничего не потеряно.

Контрастный душ, завтрак на скорую руку, в машину и на работу. В дороге думать некогда, голова занята маршрутом, толканием в пробках. Прочертывавшись и выстроив план рабочего дня, вошла в кабинет.

Совещания, переговоры, скорый обед, работа над перспективным планом, деловые встречи. Конец трудового дня. В фитнес-клуб и до изнеможения: тренажёры, бассейн, сауна... Домой еле притащилась. стакан сока, и в постель; без мыслей, без воспоминаний, без обид на прошлое, всё забыто, ничего не помню.

Голова на подушке, глаза закрыты; раз, два, три, четыре...

И вот тут из самой глубины твоей сущности, превозмогая усталость, таким тихим, но настойчивым голосом: — Прячу я печаль свою, я не плачу, а пою...

И всё по новой; слёзы в подушку, боль, которая тебя делает маленькой точкой, а вся Вселенная во всю свою силу давит именно на эту болевую точку.

— У-у-у-у-у-у-у!!! Проклятый.

Когда же это закончится? День, два, три, уже двадцать четыре дня прошло, говорят, через сорок дней будет легче, а через год всё забудется.

Забудется ли?

Кому на Руси...?

Отчего ты плачешь, мальчик? У тебя горе? Кто же тебя обидел? А, тебе не купили конфетку или ведро с лопаткой, а может, машинку?

И вот у тебя уже несчастье, слёзы-градины кажутся по розовым щёчкам...

И до улыбки, а тем более до смеха, так далеко.

Ты думаешь, далеко? Да ничего подобного. Вот заботливая мамуля кладёт в твою пухлую ручку развёрнутый «Чупа-чупс», прижимает твою голову к своей груди, и ты уже улыбаешься, ты счастлив. Ты, малыш, счастлив, а надолго ли? Может, на час, может, на день, может, на год. А главное, знать, что для тебя счастье...

Это мама и папа, тёплый дом, бабушка и дедушка, братишки и сестрёнки, и ты счастлив, окружённый их заботой и любовью. И несчастлив, если их нет. Ты счастлив, пока получаешь, а тебе всё дают, и ты берёшь и радуешься, а не получаешь желаемого — плачешь и требуешь, пока не получишь. Но чем взрослее, тем чаще отказывают, тем чаще не получаешь и вообще понимаешь, что бесплатных пирожных не бывает. Получил пятёрку — молодец, получил двойку — бездельник, дармоед...

А ты не грусти, ты разный и счастье — оно тоже разное, и для всех ты разный, и даже для себя непознанный. Но ты карабкаешься через «почему», через вопросы и ответы на них, хотя не на каждый найдёшь и не на каждый получишь. А как же счастье?

Так оно есть или его нет? Вот кто на это ответит? Но пытаются не только ответить, но и быть таковыми. И, наверное, у кого-то получается, а у кого-то не очень. Видимо, что для кого счастье.

Вот тебя обняла мама, дала конфетку, приласкала, и ты счастлив, хотя и ненадолго. Но вот приходит время, когда всё это уже не является для тебя счастьем. А иногда наступает момент, когда ты уже и не знаешь, что для тебя счастье...

Много денег — но богатые тоже плачут, либо от избытка оных, либо от того, что здоровье на деньги не купишь, либо не знают, пойти ли туда, не зная куда, и получить то, не зная что?

Наверное, счастлив человек, когда свободен?

Свободен от кого и чего? От мамы и папы, от денег, общества, от себя...?

Нет, свободен, когда свободен и все условия свободы соединились. А это возможно?

Есть деньги, их надо как-то регенерировать, дабы получить прирост. А какая это свобода? Это работа, а работа от слова «раб», и ты уже опять несвободен, ты запрягся. Есть любимая, но ты тем более несвободен, ты зависишь: от её капризов, от её настроения, головной боли, токсикоза и т. д. и т. п. и от всего, что за этим следует со всеми вытекающими последствиями...

Куда ни оглянись, везде не свобода, а одна зависимость. Сначала от мамы и папы, потом от воспитателей и учителей, а кроме всего прочего, всегда от наличия стабильности: финансовой, социальной, отношений в твоей семье, ситуации и отношений на работе.

А зависимость от любви? Ох! Хорошо, если она одна и на всю оставшуюся, а если ты многолюб? А если ты подвержен всяческим переменам настроения, а ещё весомее, если ты художник, артист, поэт, и эмоциональный фон твой подвижен.

Ну где оно твоё счастье, если тебя всё время штормит? Редкий штиль наступает, когда условно всего лишь сойдутся все нити, создающие иллюзию

твоего счастья. Ежеминутно, на один час, на один день, на один год.

И ты балансируешь между желанием и нежеланием, между зависимостью и свободой, между нищетой и достатком, любовью и ненавистью...

И как много этих не надо, не нужно, хочу, не могу, надо, надо, надо...

Надо тебе — не надо ей, ему. Тебе счастье — они плачут.

Как быть, что делать, кому на Руси...?

Так никто и не ответил.

Небо

Ах, какое необыкновенное небо в деревне! В городе оно совершенно иное, какое-то лоскутное, блёклое, в окно глядится эдаким серым клочком.

А в деревне...

В деревне небо — огромный шатёр, на котором постоянно меняется орнамент. Он замирает на короткие мгновенья, и вдруг, как по мановению палочки, всё приходит в движение.

Макушки леса утопают в просини, а над просинью золотой окоём сизых туч навис. Тучи-красавицы, глаз не отвести, несутся в сторону города, ровно на ярмарку воскресную торопятся, меняя свои восхитительные формы, что барышни наряды. А то представляются крокодилом, или стадом белых барашков, или верблюдом, или ещё какой замысловатой фигурой. Или вдруг рассеются, образуя рваный прогал, откуда брызнут солнечные лучи весёлым пучком, зальют опушку леса ярким, радостным светом, а она, многоцветная, улыбающаяся, засверкает. И зовётся над ней семицветное чудо.

Но вдруг пропадёт радуга, словно спрятали в волшебный сундук.

И непонятно, по чьей прихоти или хотению выпускают её покрасоваться на небосклоне?

А тучи, продолжая свой спешный бег, да ещё подгоняемые ветром, нагромоздятся чёрными горами да как грохнут раскатистым громом, полыхнут молниями и рассыплют с небес жемчуг в траву.

Через час пролетит непогода за реку, выглянет солнце, всё вокруг засияет чистотой и свежестью. Пригреет солнышко землю, поднимется молочная пелена, окутывая деревья и кустарник. По небу поплывут облачка пушистыми островками, или расплывётся белоснежная рябь от горизонта до горизонта, или вытянется по куполу белая паутина из перистых облаков, истончаясь и истончаясь, уплывёт куда-то, очистится небесная лазурь. Заглядишься на высь бездонную, и дух займётся от видения непостижимо величия мироздания, когда солнце красным пылающим шаром расцветит сказочный купол уже сменившейся в очередной раз декорации и к вечеру вновь набежавшие облачка, что стайками розовых фламинго бегут на запад, оставляя на востоке сизо-белых подруг, приветствующих бледную луну.

Нырнёт солнышко за горизонт, оставив на мгновение малиновый шлейф. И тот растает в серой вечерней дымке. А из леса потянет разнотравьем, запоют вечерние птицы. Бледная луна станет ярко-рыжей, поплывёт медленно и степенно, убаюкивая, завораживая. Окутает тайной тёплая летняя ночь всё окрест. И чем ярче светит луна, тем таинственнее становится шатёр небесный, тем ярче горят на нём звёзды и тем упоительнее поют цикады.

Величальная красоте земной!

Ты меня уважаешь?..

I

Что за страна? Что за правительство?

Ужас!!!

И угораздило же родиться именно здесь! Вот олигархи — гады, ограбили страну, коттеджей понастроили, уроды. Я вот им сейчас пустых бутылок на газон набросаю, а ещё лучше разобью. Пусть на их английском газоне стёкла сверкают. Я им устрою, ночью мусор под забор высыплю. Эх, жизнь моя пропащая. Работать негде, где тут работать? Можно грузчиком в овощном или садовником у олигарха, но фигу ему. Принять на грудь что ли?

— Эй, Сань, пойдём что ли вмажем да разгуляемся. Лампочки в подъездах повыкручиваем, урны посибаем, пусть администрация старается. Сань, чего в переходе-то насшибал, пошли употребим.

II

Понаехали сволочи, понастроили домов, где только деньги берут?

А тут мотаешься на старом жигулёнке, вот только унитаз смог себе новый купить. А старый-то куда? А, брошу в березняк, пусть себе лежит, я что ли такой один?

Только отъедешь от дачи, пакеты с мусором по всем обочинам валяются. Пусть руководство уборку организует или пусть до субботника округу украшает.

Сто сорок миллионов в стране. Где взять на всех няnek?

А все хотят жить хорошо; уютно, сытно, в достатке, но при этом как-то работать, а лучше не работать, но получать.

III

8.30. Утро рабочего дня. Окошко в бухгалтерии ЖЭКа. Какое счастье — никого, можно получить нужную справку об отсутствии задолженности по квартплате, целый день свободен, многое можно успеть. Но не тут-то было. Там тоже хорошо жить хотят.

Утренний кофе за перегородкой.

Ничего себе, только с троллейбуса вынырнула, не все новости сотрудницам рассказала, а тут эти у окошка, жильцы. Пусть себе постоят. Ишь как вырядилась, поди из богатеньких, зараза.

— Люсь, а Люсь, слышь? Мой опять мне скандал учинил.

— Девушка, мне бы справочку.

— Я вам не девушка, ничего, подождёшь, видишь, человек только на работу вошёл, дай хоть передохнуть.

— Слышь, Люсь, вчера в поликлинику очередь отстояла, на мне талоны закончились, а регистраторша, зараза, на завтра талон не дала: «Придёте завтра пораньше и возьмёте, а то все хорошо жить хотят».

IV

Мамаша с ребёнком по улице идёт, за ними шлейф фантиков ветер разгоняет. А зачем фантики в урну кидать? Правительство денег выделит, таджиков или узбеков наймут, и всё уберут за сыночком. Жить-то всем хорошо хочется.

В метро зашёл, талон на проезд купил, использовал, на эскалаторе у светильника оставил. Романтично: ты вниз — талончик вверх. Один, второй, третий...

Ночью «няньки» вынесут брошенные пивные банки и бутылки из вагонов, вычистят и вымоют загаженное.

Сто сорок миллионов в стране. Где взять на каждого няньку? Да нет, есть процентик выросших, сознательных, но он так мал, что и в «мелкоскоп» не углядишь. Остальные, дети, каждый в свою игру играет. Кто в казаки-разбойники, кто в олигархов, кто в великих мира сего, кто в бомжей, нищих, воров.

Плохо лежит — утащим, разворуем, унесём. Хорошо лежит — придумаем схему и всё равно украдём. Народ что — народ «быдло», всё равно растащит, разворует, поломают.

Жить надо хорошо. И вроде бы всё есть, а не спит-ся, неможется. Зачем в страну, лучше из страны — в Швейцарию, Германию, Австрию... Да куда угодно, лишь бы для себя, лишь бы себе, своим детям, внукам, правнукам, праправнукам...

Великая, великая, да, может, и была когда-то великая, кому она теперь нужна эта Великая? Раздарим, оттяпаем, разворуем, уничтожим.

Вот Европа, как живут мерзавцы: чистота, порядок, культура!

А тут окурочка мимо урны, пакет от чипсов и конфет на тротуар, на билет автобусный плюнул, к стеклу приклеил. Да гори всё пламенем. Забросил окурочку в траву, полыхнул лес, выгорели деревни, и шут с ними. Правительство новые дома построит, новоселье справим. Ничего себе, а мы чем хуже — им новые, а мы что, рыжие? Санька, поджигай наших. Одни плачут, другие куражатся, и так сойдёт.

V

— А вы тут чего?! В очередь, сукины дети, в очередь!

— Вам к какому инспектору? Не в ту очередь встали, после обеда идите к тридцать пятому окну.

— Но девушка из 17-го окна направила к вам.

— Ничего не знаю, читать умеете? Понакупят дипломов, отчёт правильно заполнить не могут, а мне тут мучайся с этими налогоплательщиками. Какой отчёт принесли, гражданочка? Форма, согласно приказа Минфина, в этом квартале снова новая, идите и приходите с новой формой. А то ведь тоже жить хорошо хотят, а приказы свыше не выполняют!

Да как их выполнять, когда они каждый квартал новые формы придумывают!

У каждого свои игры: у кого-то в новые формы, а ты не раздумывай, ты тоже участник, хоть и ненужной тебе, навязанной игры.

— Да, и ещё, зайдите в кабинет 210 для подтверждения своей деятельности.

— Добрый день, девушка, мне велели в ваш кабинет зайти, деятельность свою подтвердить.

— А бланк у вас есть? Нет бланка, рядом в киоске продаётся.

Приобретаю бланк. Вот повезло, хоть этот на одном листе, а то «соцужас», «медстрах», «налоговый страх» — одни страхи. А ведь хорошо жить хочется.

На первой странице выписываю дважды ИНН/КПП (это такие опознавательные знаки фирмы), подтверждаю свою деятельность, переворачиваю бланк на другую сторону и ещё дважды выписываю ИНН/КПП, третий раз в уголочке эту информацию пропустил и клеточки остались пустыми. И тут же слышу:

— Ну вот, набирают статистов, вам ещё и зарплату платят, поди диплом в переходе купили, недоучка, читайте форму.

— Так неужели без этой формы урожая не будет?

— Вы тут, товарищ фермер, не кричите, вы отчётность правильно заполните, вовремя сдайте, нало-

ги заплатите, а мы вас проконтролируем. Это важнее, что там урожай!

А то, видишь ли, все хорошо жить хотят!

— А вы, граждане, чем занимаетесь?

— Мы, мы долго думали и решили культуру на свои пенсионные средства поднимать, а то вот философы пишут, что бездуховность разрушает страну, а мы за сохранение, журнал литературно-художественный издаём.

— Вот Министерство культуры решило приобрести журнал и подарить библиотекам области, а журнал производим мы, так что полученные вами средства переведите на расчётный счёт фирмы, а мы, в свою очередь, создадим и передадим литературные ценности в библиотеки.

— Стоп, стоп, стоп! Ничего себе, бюджетные денежки сладкие, а вы побегайте за ними, потрудитесь, может, и получите.

— Так мы потрудились — журнал создали.

— Не знаем, не знаем, докажите, что это вы.

— Но как же у нас и сертификат, и договоры с типографией, и все знают, что именно этот журнал делаем мы.

Вот и бродишь из кабинета в кабинет, доказываешь очевидное.

А то, видишь ли, все хорошо жить хотят!

Но что же делать, чтобы жить стало легче, чтобы в стране не ругали ни народ, ни правительство?

А, знаю, надо изменить систему образования, всё равно учиться не хотят, а там куда кривая. Вот именно, что кривая. Ведь было у нас замечательное образование, скольких учёных вырастили. Всю экономику США подняли, сколько серого вещества за кордон утекло. Вот, чтобы не утекло, не станем

народ учить, а то образовывай его, а он всё на Запад норвит.

А то, видишь ли, все хорошо жить хотят!

А дороги наши многомиллионные? Зарыто в них бюджетных денег видимо-невидимо, одним словом, по золоту катаемся. Там не досыпем, тут технологический процесс нарушим, и так сойдёт. Одну-другую машину песка или щебня налево спустим, всё доход к зарплате.

Хорошо жить хочется!

VI

Знаем, что делать, не дураки. Силиконовую долину построим, электронные библиотеки по всей стране создадим — заживём!

А как же те «наукограды», которые были созданы, а нынче не финансируются, может, их реанимируем?

— Нет, всё до основания, всё с нуля!

Мы и построим, и разрушим, и намусорим, и проворуемся, и посадим, и расстреляем, и не разберёмся, и реабилитируем, продадим, переделаем, завоюем...

А что родина? Она ведь как семья, как дом родной, как мать и отец — это же корни наши. А мы себя не любим, соседа ненавидим, олигарха проклятого презираем, правительство ругаем, на всё плюём.

Эх, Санька, пойдём выпьем лучше за то, что жизнь не удалась, за то, что страну свою и себя в ней не любим, не уважаем.

Санёк, а ты меня уважаешь?

Старый дом

Памяти Вадима Борисовича Казмина-Бороздина

Дни человека как трава,
как цвет полевой, так он цветёт.
Пройдёт над ним ветер, и нет его,
и место его уже не узнает его.

Псалтирь. Псалом 102.15.16

Старый дом стоял в глубине такого же старого, нет, ещё более старого сада.

Он настолько обветшал, но более изнутри, хотя и снаружи тоже.

Зелёная фасадная краска подобно рыбьей чешуе покрывала стены и покосившуюся веранду, которую густо оплетал девичий виноград, укрывая её наружную ветхость. Перед верандой раскинулась длинная клумба из разноцветных лилейников. Теперь они не цвели.

В углу веранды стоял небольшой круглый столик, покрытый линялой скатертью на котором приютился глиняный кувшин с разноцветными флоксами...

А ещё на веранде размещался прямоугольный обеденный стол. Он был приставлен к перилам, с двух сторон были поставлены садовые кресла, а по длинному краю прислонилась к стене дома скамья.

Мы попали в этот странный сад в пасмурный день. Видимо, напросились в гости и пришли в неурочный час. Погода грустила, дом понуро молчал, помрачневший сад нервно подрагивал, и только тоненькое хрупкое существо металось между печальными деревьями. У неё был голос ангела:

— Вы спрашиваете, какой я выберу гроб? Ну, конечно, же дубовый.

А её смех, как лёгкие колокольчики, звенел за деревьями.

Нынче не яблочный год. Яблони стоят пустые, а вот груша дичка обливная, вся усыпана мелкими жёлтыми грушками. Замечательное варенье из них получается...

Наверное, дом многое мог бы рассказать. Он многое знал и помнил, когда был новым и теперь, когда провалились полы, но он лишь по-старчески тихо скрипел и смотрел своими перекошенными окошками на старый сад.

— Ты помнишь, как тут было весело и радостно?

— А ты помнишь, как тут любили?

— Ты помнишь, как трепетала она в его объятиях?

— А ты помнишь, как он на неё смотрел?

— Ты помнишь, как они радовались своей принцессе? Её первому лепету, первому стишку, первой песенке.

— А ты помнишь, как она убежала на дорогу? Ей нравилась дорога.

Казалось, жизнь и счастье нас не оставят никогда.

— А теперь принцесса превратилась в мелькающего, «тревожного ангела».

Она часто плачет и чего-то боится.

— Нянька! Отчего ты меня ненавидишь? Ты же знаешь меня всю жизнь.

— Сейчас, сейчас, деточка. Сделаем укол, и всё будет хорошо.

Но старый дом и сад уже знают, что хорошо не будет.

Дом умирал, умирал вместе с хозяином.

«Дни человека как трава, как цвет полевой, так он цветёт. Пройдёт над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его».

На прямоугольном столе заварной чайник, четыре чайные чашки, у хозяина бокал, сахарница с печеньем и пряниками.

Хозяин принимает гостей. Она кутается в пальто и куртку хозяина и всё равно зябнет. Другой рядом с хозяином беседует, и ещё две Галки. Ну, Галок дом и сад хорошо знают, а вот эти двое?

— Помню, помню, в прошлом августе были здесь на вернисаже. Не совсем чужие.

— Нянька! Ты привезёшь мне в Москву кошку с котятами?

— Не волнуйся, принцесса, обязательно привезу.

— Они мне ничего не разрешают, ни к чему не подпускают, а у меня экзамены я их опять провалю.

Кому-то несуществующему жалуется «тревожный ангел».

Гости читают стихи. Как нарочно звучит «Аве Мария» — Богородица.

Глядя на этот старый сад, на умирающий дом и хозяина, на «тревожного ангела», хочется жарко читать: «Богородица дева, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословенна Ты в жёнах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

Защити, Богородица, и этот сад, и этот дом, и хозяина, а более всего укрой своим многоцелебным амоформом «тревожного ангела» и будь ей вместо матери — родную-то Бог прибрал.

Небо вдруг заплакало; печально, надолго. Гости засобирались восвояси.

Отчего-то хозяину не хотелось их отпускать, но задержать их уход не было никакой возможности. Он пошёл провожать. Стоял в тёмной арке крон под зонтом и махал уезжающим гостям рукой в надежде, что они вернуться.

РАССКАЗЫ

Микола

I

— Отчего ты не женишься, Микола? — подтрунивала хозяйка над плотником, работавшим у неё на даче. Ей, конечно же было все равно, отчего там этот тридцатипятилетний мужик до сих пор никого не осчастливил. Лёгкая ироническая улыбка скользила по её лицу и лукаво пряталась в зелёных глазах. Николай ей напоминал героя американского фильма Фореста Гампа, оттого она даже имя его произносила просторечно «Микола».

«Да хлопотно это на... и вообще я никуда не хожу на..., я и работать люблю один на..., а вечером я хожу в гараж — мастерю».

Вся эта тирада произносилась на одной, медленно и долго звучащей, ноте и как-то безэмоционально.

У хозяйки был творческий отпуск, и на этот период она осела на даче, решив убить двух зайцев: отдохнуть и приглядеть за строительством загородного дома.

Николай был мастер-самородок, но довольно характерный, так ей его охарактеризовал муж и просил быть с ним обходительной. О нём ходили слухи, что работал он очень добросовестно и качественно, но если чувствовал, что к нему и к его работе хозяева относятся непочтительно, то никакие деньги и уговоры не могли задержать его на объекте. Мог бросить даже выгодную работу и уйти.

Но хозяйку мало интересовали подобные предупреждения, женщина она была весёлая, умная, свое-

нравная и, как говорят, человек лёгкий, но с чувством собственного достоинства.

И даже сумела уболтать строптивного Николая так, что тот работал полную рабочую неделю по двенадцать часов и только на выходные уезжал домой к маме.

Но доплатой за это были разговоры, прослушивание рассказов Николая, вкусный завтрак, обед, ужин и ещё фирменный кофе, сваренный на песке в джезве.

Выслушав Николая, хозяйка продолжала свою игру в посиделки: «Да ладно, Микола, найдём тебе барышню хорошую, хозяйственную, будет тебе чахобили готовить, будет тебя холить и лелеять».

«А это ещё что такое, Петровна? — бубнил Николай. — Не, я такого блюда не знаю на... и маманя моя супы варит одинаковые на..., а ещё спрашивает: «Ну как суп?» — а суп такой же, как и каждый раз, на...». Смотрит Никола на хозяйку своими чистыми голубенькими глазками, да в его тридцать пять это не глаза, не глазищи, не буркалы и зенки, а именно глазки.

А Петровна продолжает: «А ещё долму тебе будет готовить, нет, Микола, надо тебя женить на грузинке, будет тебе жена домашняя, послушная, тихая женщина. На Кавказе женщин в строгости воспитывают, даже в наше современное время».

Микола долго сопит, думает, пьёт чай и выдаёт: «И прутик мой слушаться будет?»

И достаёт трость сантиметров пятьдесят длиной, металлическую, на конце которой листиком сложен кусочек кожи, с деревянной ручкой, украшенной дешёвыми стразами.

Петровна немеет, тема исчерпана. А ведь не шутит плотничек-то, ведь, наверное, и огреть женщину может в сердцах искусно сработанным прутиком...

II

Два дня Петровна старалась не общаться с плотником, а затем уехала на две недели в город по делам и благополучно забыла про неприятный для неё разговор.

А Микола отработал до пятницы, получил свою недельную зарплату и запил.

Пил он основательно, как и работал. Не появлялся месяц.

Вернулся в один из летних понедельников, вяло попытался придумать какую-то оправдательную историю, но затем уразумел, что это никого, собственно не интересует, а важна его работа.

День отработан. Петровна как ни в чем небывало накрывала на стол, слушая его незамысловатые рассказы, и улыбалась.

На следующий день Микола заявил: «А я у вас буду оставаться ночевать, так работа быстрее пойдёт, выделите место для ночлега».

Петровна пожала плечами: «Что ж, оставайся, бери большой матрац и в любой комнате, где удобно, располагайся».

Плотник посопел довольно и ушёл работать. Работа спорилась, Николай периодически спускался в кухню, заваривал крепкий чай смачно выпивал его и опять шёл стучать.

Он был высокого роста, худощавый, коротко стриженный, всегда аккуратно одет и носил кепку, которую сам сшил, причём этим очень гордился.

«Петровна, а кепку ведь я сам сшил, и, вообще, было время, очередь стояла за этими кепками и брюки я шить умею». И тут же переходил к другой теме: «А больше всего мне в армии понравилось, — бубнил Микола, — поездил, посмотрел страну и опять же

дисциплина, порядок. Правда, были у нас в армии разные чмо, так они у нас до дембеля полумойками дослуживали на...», — пытался привлечь внимание хозяйки Николай. Петровна возмущалась:

— Микола, ведь люди разные, ты что ли идеальный? И кто вам право дал решать, что вы люди, а ОН чмо?»

«Да чмо он и есть чмо на... — безапелляционно утверждал Николай. — Все в порядок себя приводят во время сна, стираются чистят сапоги, а он спит и вечно одежда у него неопрятная и порядок не уважает, так чмом и закончил службу на...».

«Ну почему, ну почему каждый хочет причесать на свой лад другого человека, — думала расстроенная Петровна, — почему нет никому дела до внутренней организации другого, и если один нарцисс, а другой подорожник и не цветёт как роза, то это чмо, его надо топтать, давить? Хотя, — успокоила себя Петровна, — подорожник более живучее растение, чем все эти рафинированные, но, с другой стороны, ведь можно затоптать не подорожник, который после хорошего дождя сможет подняться, а прекрасное хрупкое, непохожее ни на кого создание. Грустно, грустно», — думала Петровна, понимая, что Николаю всё равно этого не объяснить. У него свой мир, свои ценности и своё понимание «плохого и хорошего».

А Николай съел свой обед и пошёл стучать дальше под музыку, радио «Шансон» — его любимая волна.

III

«Вот соседи, а что соседи, даже на субботах не вышли на... я вот вышел, кусты посадил, весь двор перед домом от мусора убрал, а они ведь не один не вышел на... — вечером уже за ужином рассказывал Николай. — А потом «молодец Николай» на..., а что

молодец, хоть бы один вышел на..., молодец. У меня машина была, так я её далеко от дома ставил, а то все идут, Николай помоги да посоветуй. А как не видят машину, никто не приходит, и я могу остаться один и поделаться что-нибудь или отдохнуть. А соседка у меня противная, её можно узнать по запаху — кошками пахнет. Кто-нибудь меня спрашивает: «Где квартира Ляминой?», а я: зайдите в подъезд — по запаху найдёте. Ух, сколько я её кошек перестрелял из духовушки, а она всё на меня орёт, да я сейчас перестал их отстреливать надоело, и она перестала орать, тоже наверное надоело на...».

Никола всё это выдавал монотонным голосом, а Петровна безучастно слушала и думала: «И как это в человеке может уживаться столько мусора, рядом с талантом, героизмом, самобытностью, неординарностью... как?»

Ей вспомнилось, как он героически тушил пожар. А дело было так.

Соседи за забором запалили траву. Трава затрещала и как-то безобидно стала тлеть, но вдруг подул ветер, занялось пламя и огонь стал просто пожирать территорию за забором.

Огонь стал угрожать усадьбе, а постройки все деревянные. Опустили в речку мотор «Кама», диаметр шланга — полтора сантиметра, струйка тоненькая, а фронт наступления огня — триста метров. Идёт стеной, треск стоит устрашающий и огонь с быстрой ветра заглатывает пространство, примыкающее к дому.

«Сгорит усадьба!» — ахнула Петровна, схватила ведро, да куда там...

Вызвали пожарных, те в ответ: «Вызов принят — машин нет».

Прибежала баба Клава, соседка: «Деревню надо звать!» — и унеслась.

Тут выскакивает Микола с тачкой песка, видит: стоит Петровна ни жива ни мертва от страха: «Не бойсь, Петровна! Мы его на дороге остановим». И песком стал забрасывать пламя. Подоспели мужики из деревни, рабочие, глядя на Миколу, организовались, а он всё летает и летает с тачками песка. Часа три гасили пожар.

А через четыре часа приехал пожарник на уазике, молча составил акт о том, что пожар был, и благополучненько уехал.

Из размышлений её выдернул Николай: «Петровна, а сварите мне свой фирменный кофе. Только двойную порцию, испробовать охота».

Петровна разогрела песок, и на своей старенькой песочной кофеварке начала колдовать над напитком, кофе был у неё действительно отменный: с густой, ароматной пенкой, тягучий и пряный.

Николай с удовольствием выпил кофе, похвалил хозяйку и ушёл работать. Ночью Петровна проснулась, ночевала она в баньке, на втором этаже, поскольку дом уже третий год строился, и конца этому строительству не было видно.

Фирму нанять не хватало средств, вот и перебивались шабашниками.

Её удивило, что Николай всё ещё работает. «Наверное, ещё часов двенадцать», — подумала Петровна, покрутилась и снова заснула. Утром её разбудило монотонное жужжание пилы и стук молотка. Посмотрела на часы: шесть утра. Пошла в дом, поднялась на второй этаж.

Николай стоял и улыбался: «Доброе утро, Петровна, вот комнату всю блокхаусом обил». Петровна

обалдело смотрела, работа была выполнена огромная, да и сделано все было мастерски и с любовью. «Микола, так ты что всю ночь не спал?»

«Русские не сдаются!» — ответил довольный Николай.

Норка

В деревню к бабушке Маринку отпускали нечасто. Как сложна жизнь одиннадцатилетнего ребёнка: спецшкола, уроки английского, балльных танцев, кружок рисования, фортепьянные занятия. Учебный год закончен. Вот они долгожданные каникулы! Однако ни о каком отдыхе и речи нет. Предстоит учебная поездка в Англию. Программа «с погружением в языковую среду». Английский нынче в моде. Не успеешь дух перевести — международный лагерь. Снова режим, построения, рапорты. Непроста дорога к взрослости. Но этим летом ей повезло. На целых три недели её и шестилетнюю сестрёнку Полинку привезли к бабушке!

В деревне Маринке очень нравилось — простой дачный домик с печкой и электрической плиткой. Никакого евроремонта. Зато много друзей, речка, смородина с куста, клубника и множество других деревенских радостей, которые очень Маринке по душе. Отдых в деревне удался, когда бы не история с Норкой.

Норка — очаровательная кошечка, помесь сиамской и обычного дворово-полосатого кота. Она внезапно появилась у смородинового куста и выклянчила у Полинки кусочек чёрного хлеба.

— Маринка, смотри — кошка чёрный хлеб ест! Давай попросим у бабушки для неё колбаски.

Так Норка стала частой гостьей в их доме. Девчонки очень полюбили кошечку и даже просили бабушку оставить её у себя, но бабушка была категорична.

— Она соседская, — возражала она.

— Бабушка, они её не кормят, даже «Вискасом». Она у Полинки чёрный хлеб выпросила. И заметь, бабуля, она постоянно у нас. Значит, ей там плохо!?

Бабушка, кандидат наук, и дедушка, преподаватель вуза, авторитетно считали, что котёнка надо кормить «Вискасом». Животное не должно побираться по соседским дворам. А здесь по неделям живёт на чужой даче, не брезгует чёрным хлебом и мышами. Напрашивался вывод: котёнка не кормят и вообще Норка мало нужна хозяевам. Но вступать в конфликт, ох, как не хотелось!

Соседи: молодая женщина Светлана лет двадцати восьми, её очередной «папик», по меткому слову дочки Наташки. Молодой человек Кирилл двадцати трёх лет, но наружностью и интеллектом тянул на все пятнадцать. «Папик» водился с малолетним приятелем тёзкой и с местной шпаной, заправски висел на тарзанке, чем приводил в восторг ватагу ребят, окружающую его. Ходил с ними на речку, показывая своё умение нырять и плавать, мотался по деревне с теми же ребятами на велике. Впечатление создавалось, что он как-то ещё не дорос до взрослого человека. О таких говорят: «Ещё “Пионерская зорька” в голове...». Одним словом — тусовщик, плюс пиво, водочка, шашлыки, селёдочка.

И вот у Маринки созрел план: пристроить Норку в хоро-о-шие руки.

В деревне всего одна улица, Приозёрная, и домов на ней где-то не более сорока. Поделилась Маринка

своим планом с бабушкой, та одобрила. Прошлась Маринка по июльской цветущей улице и выбрала дом, казавшийся ей приличным. Потопталась у калитки, войти не решилась, уж больно злобный лай раздавался из-за забора. Собралась уходить, но тут видит: хозяева с другого конца деревни возвращаются домой. А время уж девять вечера, хотя и светло.

— Добрый вечер, — начала Маринка, сложив как-то просяще руки на груди, — позвольте вам предложить котёнка... — и начала серьёзно говорить певчим голосом.

Маринка была прехорошенькая. Эдакий смуглый подросток, с глазами доверчивого оленёнка, аккуратным прямым, небольшим носиком и пухлым терракотовым ротиком. Тёмно-русые волосы стянуты на затылке.

— Понимаете, котёнок живёт у нехороших людей, — слегка заикаясь пела Маринка, — они его мучают, подобрали у магазина в Соловьёвке и мучают. Мы бы её взяли себе, но бабушка против, — голос девочки задрожал. — А кошечка очень красивая, она вам понравится, у неё тельце беленькое, хвостик и ушки серые полосатые, ну как пришитые, и глаза голубые, она мышей умеет ловить. Мы её решили пристроить в хорошие руки, — закончила свою тираду Маринка, просяще глядя на взрослых.

Николай, так звали мужчину, к которому обратилась Маринка, начал объяснять ей, что котов они заводят не готовы, два больших алабая не уживутся с приёмным. Но Варвара, хозяйка дома, неожиданно предложением заинтересовалась. Без кошки деревенский дом казался каким-то неполноценным. Да и мыши стали захаживать.

— Хорошо, приноси, и если она нам понравится, то я возьму. А имя у неё есть?

— К сожалению, имеется, — ответила Маринка, — кошечке месяцев восемь. Зовут Норка. А может, вы со мной пойдёте? — попросила девочка.

— Нет, — ответила Варвара, — если хочешь, принеси кошку сюда.

— Варь, ну зачем тебе кошка? — как-то неуверенно проговорил Николай.

— А давай посмотрим, какая она, может, нам глянется, — ласково попросила мужа Варвара. — Не понравится — мы её не возьмём.

Через двадцать минут кто-то начал дёргать ворота. Варвара покричала, что лучше бы подойти к калитке и сама направилась туда. В калитку ворвалась девочка лет шести.

Платье раструбом, включенные чёрные волосы ...

— Тётенька, не могли бы вы пойти навстречу Маринке, — затараторила она, — кошечка очень нервничает, понимаете, у неё стресс и надо помочь.

Это была Полинка, младшая сестра Маринки. Варвара, увидев девочку, не сразу сообразила, в чём дело. Вышла за калитку, но не успела дойти до ворот, как Маринка появилась у края забора. За кошкой не пришлось идти далеко. Девчонки занесли котёнка в дом. В хозяйстве нашёлся плюшевый домик для неё, по случаю приобретённый в Москве, в зоомагазине «Пинчер». Обнаружились специальные чашки сдвоенные, для корма и воды, и даже сиреневый пакет «Вискаса». Сёстры пришли в восторг.

— Норка, лучшего дома тебе не найти! — прощепетала Полинка.

— Да! — утвердительно кивнула Маринка, с восхищением рассматривая кухню, русскую печь, ук-

рашенную изразцами, и бронзовую люстру. — А вы позволите навещать Норку?

— Конечно, конечно, приходите, — разрешила Варвара — а может быть, чаю с конфетами?

— Нет, — ответила сокрушённо Маринка, — нам бабушка не разрешает.

— Она говорит, что мы попрошайничаем, — подпела Полинка.

— Ну какие же вы попрошайки? Вы гости, — женщина протянула им вазочку с конфетами.

Маринка робко потянулась и выбрала маленькую конфетку. У Полинки жадно загорелись глазёнки при виде такого разнообразия конфет в ярких, сверкающих обёртках. Она выхватила самую большую конфетину и заулыбалась, довольная собой.

— Самую громадную схватила, — искренне расстроилась Маринка.

Варвара рассмеялась:

— А ты бери вторую, я всё равно конфет не ем. Счастливая Маринка взяла ещё конфету.

— Тогда и мне вторую, — выпалила Полинка.

— Да бери, пожалуйста, — весело ответила хозяйка.

Девчонки ей очень нравились, непосредственные в своих желаниях и раскованные, они всё-таки оставались вежливыми и учтивыми. Им очень хотелось подольше остаться в гостях, они всё время повторяли, что уже пора, продолжая топтаться на месте. Ясность в ситуацию внесла бабушка, которая пришла за внучками. Перед уходом она подтвердила — кошка ничья и можно спокойно её оставить.

Норка ночевала в столовой. На следующее утро, к удовольствию хозяев, кошка поймала мышь. Когда её выпустили погулять по своим делам, она вылезла

за забор и вернулась обратно. Решено было Норку оставить в усадьбе. Но в одиннадцатом часу на заборе повисла гирлянда деревенских ребят во главе с «папиком».

Ребята загалдели наперебой:

— Отдайте нам нашу кошку, эта сумасшедшая Маринка, она её всё время ворует и бабка её сумасшедшая и вся семья придурки!

Варвару возмутило поведение, а больше всего брань ребят. Приняв и «папика» за подростка, пригрозила спустить собак. Орава исчезла, но явилась Светка и стала разъяснять Варваре сложившуюся ситуацию. Кошка действительно принадлежит им, и соседи уже неоднократно пытались её утащить. Но симпатия была на стороне Маринки, и кошку Варвара не отдала.

— Кошку девчонки приносили, но она сбежала. Появится, верну!

Распрощавшись с непрошеными гостями, Варвара занялась работой в парнике, но не тут-то было... Соня и Елисей, среднеазиаты, громко лаяли, это означало, что кто-то чужой на территории. На дорожке стояла Маринка и делала какие-то непонятные знаки, привлекая внимание, бочком двигаясь к дому. Завернув за угол, чтобы её не было видно со стороны калитки, замерла в ожидании.

Варвара позвала Маринку к парнику, но заговорщица упорно продвигалась к двери дома, странно кособочась, махая правой рукой, левой растирая слёзы по лицу.

Удивлённая Варя поспешила к девочке. Сдерживая рыдания, Маринка тянула хозяйку в дом. Как только они оказались за порогом, девочка громко, сквозь слёзы запричитала:

— Тётя Варя, тётя Варя, всё пропало, всё пропало! План не удался, соседи взбунтовались! Требуют вернуть Норку. Я, конечно, понимаю, что Норке лучшего дома и лучших хозяев не найти, но её надо вернуть, — обречённо рыдала Маринка.

— Как же так, — удивилась Варвара, — я из-за тебя превратилась в обманщицу? Да и бабушка твоя подтвердила, что у кисы нет хозяев. Поэтому я ребятам и ответила, что у меня её нет, а теперь что же? Извините, ребята, ваша кошка у меня, я участница сговора. Нет, так дело не пойдёт.

— Ну что же делать? — ещё громче запричитала Маринка. — Ну давайте я вам, что-нибудь другое подарю, только отдайте кошку. Они ждут меня за бором и велели без неё не возвращаться, они мне угрожают расправой, — рыдала Маринка.

И Варвара вдруг поняла, как сильно Маринка боится соседскую ребятню.

— Итак, во-первых, успокойся и перестань плакать. Я тебе помогу. Во-вторых, никогда никого не бойся и не позволяй, чтобы тебе угрожали. Сейчас провожу тебя к бабушке, а с ребятами я сама разберусь.

Обняв девочку за плечи, она повела её к калитке. Маринкин велосипед валялся на обочине, рядом плотным кольцом толпилась шантрапа. Посыпались оскорбления и даже мат в адрес Маринки. Варвара резко развернулась и так шикнула на неуправляемую ватагу, что те мгновенно притихли и расступились. Побавались хозяйку большой усадьбы деревенские. Молча провожала сердитая процессия женщину с девочкой по дороге к Маринкиному дому.

Горестно прижимая руки к груди, неудачливая спасительница сдавленным голосом шептала:

— Это всё Полинкин длинный язык, это нас Полинка выдала — предательница.

Варваре было смешно и неловко:

— Марин, ну как можно шестилетнюю девочку считать предательницей? Она, может, и рассказала что-нибудь подругам на улице, но ей, наверное, очень хотелось похвалиться вашим благородным поступком, ведь она считает, что вы защищали Норку. Понимаешь?

Шагов за десять до Маринкиного дома они увидели бегущую навстречу взволнованную Полинку. Она громко кричала, размахивая руками:

— Тётя Варя! Соседи всё прознали, наш план рухнул, они за нами следят!

— Полин, ты можешь помолчать? — одёрнула её Варвара.

— Но, тётя Варя, они знают, что Норка у вас! — кричала возбуждённо Полинка.

— Помолчи, Полина! — велела ей Варвара уже таким тоном, что она тут же притихла.

Затем проводила девочек в сад к бабушке и рассказала, к чему привёл их план «по пристраиванию кошки в хорошие руки».

И Норку всё-таки пришлось вернуть Светке.

«Имугдана»

Первый раз Ритка увидела Деда Мороза на ёлке, в яслях, и произошло это событие перед выходным днём. Было очень весело, водили хоровод, пели «маленькой ёлочке холодно зимой», танцевали и все хором звали какого-то Деда Мороза. Старик был с красным носом, в красном пальто, красной шапке с белым бубоном и белой бородой. Всем деткам раздал мешочки с конфетами, это было здорово!

«И откуда взялся такой весёлый дед? — думала очарованная Ритка. — Где он живёт?»

В воскресенье бабушка повела Ритку в Варваровскую церковь.

— Пойдём в храм, внученька, причастимся.

Храм был большой и красивый, горело много свечей, пахло ладаном, по стенам много ликов, бабуля объяснила, что это иконы. Пока бабушка покупала свечи, писала записку, Ритка отправилась рассматривать храм. Тут из ризницы вышел батюшка.

«Так вот где живёт Дед Мороз, — поняла Ритка, — и борода, и колпак, и длинное платье, только другого цвета». У неё тоже разного цвета платья. Наверное, когда он приходит в ясли, то надевает красное пальто, а здесь, у себя дома, ходит в золотом наряде. Подобравшись поближе к священнику и улучшив удобный момент, Ритка громко поздоровалась:

— Здравствуй, дедушка Мороз! — прокричала она, страшась быть не услышанной. — Дедушка, а давай я тебе «Итигдану» станцюю, а ты мне за это подарок дашь?

И не дожидаясь согласия, Ритка запела, закрутила руками, стала раскачивать бёдрами из стороны в сторону, ей казалось, что у неё славно получается, почти как у индийской танцовщицы из фильма «Бродяга». Паства оторопела, а довольная Ритка громко пела на весь храм: «Итигдана битигдана дана упердана итигдана».

— Чей это ребёнок? — оторопел батюшка.

А бабушка уже торопилась забрать свою артистку:

— Цыц, идолка, на весь храм осрамила окаянная. Я тебе сейчас у спину наширяю. Какой это тебе Дед Мороз. Это святой отец — батюшка.

РОМАНСЫ

Музыка Н. Устиновой

Вы кто?

Знакомясь то с Верленом, то с Ватто,
Возник вопрос — сударыня, Вы кто?
Бродя по переулкам бытия,
Ищу своё потерянное — Я.

В очередях, троллейбусах, метро
Безликие, снующие никто.
За маской настроений и проблем,
Извечно возникающих дилемм.

А я бегу туда, где белый снег,
Где время останавливает бег.
Где небо океан, а не лоскут,
Там, где не нужен пряник или кнут.

Где вольный ветер, рыжая заря.
Где я пишу и верю, что не зря.

Зна - ко-мась то с Вер-ле-ном для-ват
то
вас - ших, кон - рос: Су-да-ры - ня, вы кто? "бро
да по пе - ре - ул - кам бы-ти - я, и - шу... сво-ё по-те-рян-но - е
"я" в о - че - ре - для трол-лей-бу - сах, мет - ро бес -
ли - ки - е, сну - ю - щие - "ни - кто". За мас-кой наст-ро - е - ний и проб

16
 лем и веч-но воз-ни-ко-по-ни-ца-ди-амм. Я

19
 я бе-гу ту-да, где бе-лый снег, где вре-мя ос-та-но-ви-ла-ет шаг, где

23
 не-бо - о-ке-ан, а не лес - шум, и где не нуж-ны пра-ки и ли-кут, где

27
 боль-ный ве-тер ры-жа-я за-ря, где я ни-шу и

31
 ве-ро, что не зря!

Нет! Я тебя не позову

Нет! Я тебя не позову
 И у калитки ждать не стану.
 Забуду о себе молву
 И в завтра верить не устану.

Под шум дождя и всхлип осин
 О девичьем своём поплачу...
 И этот горький год один
 Я провожу, как неудачу.

О если падали слова,
 В пустую душу барабана,
 Все перемелют жернова,
 Мой каждый час смертельно раня.

Нет! Я тебя не позову
 А прошлое пускай уходит,
 Тоскою свитую канву
 Весенней пляской хороводит.

Нет! Я тебя не позову...

Музыка Н. Устиновой

1
Нет, я те-бя не по-ло - ау. *И у ка-лит - ки ждать не*

5
ста - ну. За - бу-ду о се-бе мол - оу, и в зам-ра ве-рать не ус-

9
та - ну. Под шум дож- да и оскалн о - сии о де - аичь-ем со-

13
ем по - пла-чу. И э тот горь - кий сад о - дан я про-во-

22
жу. Как не-у - да - чу. Нап-рас-но на-да-ли сло - ва,

29
а пус - ту - ло ду-ту ба-ра - ба-ня, всё пе-ре - ме - лит жер - по -

36
ва, мой каж-дый час смер-тель - по ра - ня.

42
Нет, я те-бя не по-ло - ау. А прош-ло - е пус-кай у - хо - дат, пе-

46
чаль-но сон-ту - ю кан - оу ве - сен-ней пяс-кой хо - ро -

49
во - дат.

Простить? За что?

Простить? За что? За нелюбовь?
За грёзы, за мираж, за сон?
Картинно поднятую бровь?
Ненужностью сквозящий тон?

Простить за то, что не дано?
За ускользящую тень?
Да мне, голубчик, всё равно,
С кем проведёшь грядущий день,

Кого улыбкой одаришь
Сулящим взором — бесконечность,
Чьё сердце в нови покоришь...
Меж нами вечность,
меж нами вечность.

Давай попробуем взлететь...

Давай попробуем взлететь,
На мир посмотрим с высоты.
Мы можем всё ещё успеть.
Я думаю рискнуть, а ты?
Я думаю рискнуть, а ты?
На мир посмотрим с высоты.

Давай попробуем парить,
Нам солнце светит и луна,
О счастье будем говорить.
У нас дорога не одна,
У нас дорога не одна,
Нам солнце светит и луна.

Давай попробуем мечтать,
Как унесут нас облака
И как под парусом стоять...
Дай руку — вот моя рука.
Дай руку — вот моя рука.
Пусть унесут нас облака.

А ночью звёздный хоровод
Нам выстилает Млечный Путь
Для нас сияет небосвод,
И нам сегодня не уснуть
Что ж, нам сегодня не уснуть,
Дорога наша Млечный Путь.

Но вспыхнула огнём заря,
Ночь уплыла за горизонт.
Ты, ничего не говоря,
Ушёл, оставив чёрный зонт.
Ушёл, оставив чёрный зонт,
Как ночь, уплыл за горизонт.

Не торопи событий круг...

Не торопи событий круг,
Ещё пылают ярко свечи.
И не грусти, мой добрый друг,
Под неразгаданные встречи,

Что путь не пройден до конца
И не найти пока ответа.
Не прячь прекрасного лица
В начале солнечного лета.

И не грусти о том, что есть,
О том, чего не получилось,
Что незапятнанная честь
Лишь к светлым помыслам стремилась.

Не плачь о том, чего не смог,
О том, что всё уже свершилось,
Что миг сметал событий стог
И ничего мне не приснилось.

Гость

Знакомой грустью сладко сердце ноет,
Снег за окном, волчицей вьюга воет,
Прощальный вздох и шорох у печи,
И как заклиние — молчи, молчи...

И не спугни волшебного мгновенья,
Пылают щёки и душа в смятении.
И выбор за тобой, как гостя встретить?
Нахмуриться или добром приветить?

И гость пришёл, не тот, совсем другой,
А в доме пахнет хвоей и свечами,
А ты по дому носишься пургой
И долгий год за хрупкими плечами.

А как же «Новый год» и чудеса?
Наш славный праздник, добрый чародей.
А рядом, рядом только голоса —
Чужих людей.

Душа моя, о чём молчишь?

Душа моя, о чём молчишь,
Внимая миру вдохновенно.
Всё, принимая, что нетленно,
И вечное боготворишь.

И слышать коли научась,
Ты истину познать позволишь
И болью сердце беспокоишь,
С фальшивым отблеском борясь.

Плывёшь, паришь, когда зовут
Романсом плачущие звуки
Или симфонией плывут,
Сметая тлен житейской скуки.
Душа моя, о чём молчишь?

Гимн казачеству

1

На казачьей земле
Да в родном курене
Колыбельную ветер нам пел.
За широкой рекой
Рос табун боевой,
Звон булата над степью летел.

Припев:

Эх, ты, вольна-волюшка,
Конь — казачья долюшка,
Русь — казачья славушка
Да булат стальной.
Эх ты, вольна-волюшка,
Нам лихая долюшка,
Но казачка-милушка
Да галоп шальной.

2

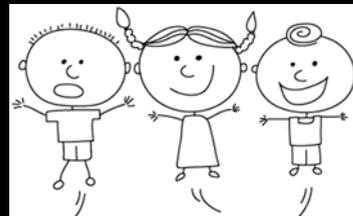
Лавой шли на врага
В «ледяные» снега
За Царя, за Отечество в бой!
Завывала пурга,
Не видны берега,
Не пришлось воротиться домой.

Припев

3

Песни наши в веках,
Флаги в верных руках,
Нам не ведомо слово «страшусь».
Мы за други своя!
Мы за веру своя!
За священную матушку Русь!

ДЕТСКИЕ СТИХИ

Петух

Нашей Ане — ха-ха-ха —
Подарили петуха!

Гребень в розочку завит,
Он серьёзен, деловит.

Машет крыльями, поёт,
Курочек к себе зовёт.

Ходит по двору героем
И пеструшек водит строем.

04.07.2006

Пантера

У городского сквера
Жила-была пантера,
Жила-была пантера
По прозвищу Венера.

Была чернее ночи
И злая, между прочим.
Рычала очень громко,
Хвостом стучала звонко.

Шёл мимо клетки Мишка —
Весёлый коротышка:
«Чего рычишь, пантера
По прозвищу Венера?»
Он подарил ей шарик
И очень вкусный пряник.
Пантера улыбнулась
И в клетке растянулась.

14.07.2006

Нарисуй

Нарисуй мне кошку,
На ольхе серёжку,
Серенькую мышку,
Рыжую мартышку,
Ярко-красный барабан,
Синий, синий океан,
Белый парус в море,
Луковое горе.

12.11.2009

Улитка Алевтина

Улитка Алевтина на выданье была.
Свежа и круглобока, бойка и весела.
Сосед ей Яшка песни амурные дарил,
Но этим Алевтину лишь только уморил.

А нравился невесте кузнечик молодой
— Красавица улитка, пойдём гулять со мной!
Ей стрекотал кузнечик, на луг её манил
И сладостные речи ей ласково дарил.

И Алевтина мигом согласие дала —
За кузнецом в ромашки усердно поползла.
А Кузя из ромашек всё милую зовёт,
Но что же Алевтина так долго не идёт?

— Ты где? — зовёт кузнечик. — Я жду тебя, приди!
— Я из калитки вышла, ты, Кузя, погоди!
Уж трижды луг испрыган. Невеста всё нейдёт.
— Ну где ты, Алевтина? — Зашла за поворот.

Тут Кузя рассердился и в поле улетел,
Кузнечьему терпенью так наступил предел.
Устала Алевтина за Кузей торопиться
И с шустрым ухажёром решила распротиться.

Пойду-ка я за Яшу — хороший парень, милый.
Жить станем под кадушкой, построим дом красивый.

Ёжик

Бежал ёжик по дорожке,
Косолапя свои ножки.
Я хотел его просить
Нашу дачу навестить.

Приглашал на пирожки,
На ватрушки и рожки.
Только ёжик фыркнул строго:
«Мол, иди своей дорогой,

Недосуг, да и не в срок
Приглашенье на пирог.
И сейчас не выходной,
Мне пора идти домой».

«Хьюкт»

А у Сашеньки в саду
Все играли в чехарду.
В ручеёк и жмурки
На дневной прогулке.

А после обеда
Дружная беседа.
Все вопросы задавали
И, конечно, отвечали.

Отчего идут дожди?
И летают комары?
Отчего так громко гром
Ударяет тучи лбом?

Как растут арбузы, дыня и картошка?
— Что такое овощ? — вдруг спросил Антошка.
Саша гордо встала: — Что же думать тут?
Вот капуста — овощ, помидор же — «хьюкт».

Шарик

Во дворе весёлый лай,
— Шарик, с нами поиграй,
А мы подарим косточку,
Сухого корма горсточку,
Маковую плюшку
И сдобную ватрушку.

Киса

Киса, киса, котик,
Беленький животик,
Жёлтые глазищи,
Длинные усищи.
— О чём мурлычешь, киса?
— Спать пора, Лариса.

Снежинки

Белые снежинки кружат за окном.
Песни распевает милый, добрый гном.
Спать пора ложиться, в гости ночь пришла.
Будут сказки сниться до самого утра.

Праздник

Утром солнышко разбудит
В гости Дед Мороз придёт.
Ёлку принесёт, подарки
И фейерверк запустит яркий.

Колыбельная

Баю-баюшки-баю,
Песенку тебе пою.
Закрывайтесь, глазки,
Пусть приснятся сказки.

Ночка укрывала,
Нежно напевала,
Звёзды зажигаала,
В сказку приглашала.

Баю-баю-баюшки,
Все заснули заюшки,
Волки и лисички,
Братья и сестрички.

СКАЗКИ

Чёрное семечко

Жило-было маленькое чёрненькое семечко. Жило оно в чёрном чулане в одной банке с белыми тыквенным семечками.

Как это случилось и какими судьбами его занесло в прозрачную белую банку с широким гладким горлом? А горло банки нарядно прикрывала полотняная салфетка, присборенная на резиночке руками заботливой хозяйки.

Да, чуланчик был небольшой и тёмный, и когда туда приходила хозяйка, то ярко вспыхивал свет, освещая сухое и опрятное помещение.

Все банки в чуланчике стояли по ранжиру: большие — с вишнёвыми и сливовыми компотами, поменьше — с солёными помидорами и огурцами, небольшие — с малиновым и клубничным вареньем и ещё много, много стояло разных банок и баночек. Что в них было, семечко разобрать не могло, потому что их банка стояла на второй полке с краю.

А ещё в чуланчик приходила девочка Таня. О, вот тогда в «Королевстве банок» начинались чудеса! И какие волшебные истории там происходили: оживали Сеньоры Помидоры, и Стрельцы-Огурцы, и Компоты-Обороты, и Королева Виктория... Но эти истории я расскажу в другой раз.

А сейчас: вспыхнул свет, и повелительница сказочного чулана Тисса (так себя величала девочка Таня) появилась в своём королевстве со своими верными гвардейцами фломастерами. Тисса взяла

банку с тыквенными семечками и стала оживлять королевский двор, и, конечно же, в этом ей помогали верные гвардейцы.

Сначала она оживила фрейлин своего королевского высочества, затем пажей и придворных кавалеров, музыкантов её величества, как вдруг в руки великой и всемогущей Тиссы попало крохотное чёрное семечко подсолнуха:

— О! — вскричала Тисса, — что в моей свите делает эта чернушка?

Двор её величества заволновался:

— Какой позор. Какой срам. Какая невидаль. Да как можно... — в один голос галдели тыквенные семечки.

Великая Тисса повертела семечко в руках и швырнула его обратно в банку.

Чернушка была забыта через минуту.

Начался бал. Кавалеры приглашали дам. Дамы пели романсы и читали стихи кавалерам. Разгадывались шарады. И все танцевали, танцевали, танцевали под аккомпанемент великой Тиссы.

И только маленькое чёрное семечко горько плакало среди белых, круглобоких, гладких, чванливых, больших тыквенных семечек.

«Чернушка, Чернушка, Чернушка...» — злым шёпотом шуршали семечки и толкали её своими округлыми боками, пока она не провалилась на самое дно банки и тихо не застыла от горя.

Бал закончился, в чулане погас свет. Все фрейлины, кавалеры и музыканты вернулись в банку.

И до самой весны шли разговоры о прекрасном празднике, устроенном великой Тиссой. О Чернушке забыли. А семечко тихонечко лежало на самом дне банки, боясь даже вздохнуть, чтобы как-то не на-

помнить о себе, а то вдруг вспомнят: «Чернушка, Чернушка...».

Только иногда очень тихо и незаметно оно позволяло себе грустить и мечтать о том, как оно вдруг превратится в прекрасный цветок или бабочку и будет летать, а может быть лучше в птичку, тогда оно сможет ещё и петь.

Но вот однажды банку сняли с полки, высыпали все семечки в таз и залили водой.

— Что это за водные процедуры? — подумало семечко. — Значит, не так уж я плохо, если меня моют вместе с белыми тыквенными семечками?

В тёплой воде лежать было приятно. Но вскоре семечко посадили в пушистую чёрную землю, такую же чёрную, как семечко.

Семечко лежало и думало: «Темно и тепло, почти как в чулане».

А потом вдруг солнышко пригрело землю, из семечка проклюнулся маленький зелёный росток.

Росток пробрался на поверхность земли и стал расти и крепнуть.

И о, чудо! Мечта Чернушки сбылась. Чёрное семечко выросло в высокий, красивый цветок, похожий на само солнышко.

Подсолнух огляделся и увидел вокруг себя круглые, пузатые тыквы, они расплзлись по земле и грели свои зелёные бока на солнышке.

— Ах вот они, дамы и кавалеры, фрейлины и музыканты её величества Тиссы! — воскликнул удивлённый подсолнух.

Он смотрел на них сверху, медленно поворачивая свою гордую жёлтую голову вслед за солнышком. «Я похож на тебя, я твой брат», — думал подсолнух и очень этим гордился.

Тыквы же лежали внизу на земле и шушукались: — Вы посмотрите, какой красавчик, какой гордый, как высоко он держит свою красивую голову.

04.01.2006

Конкурс

Итак, мальчики и девочки, девочки и мальчики, я продолжу свой рассказ о великой Тиссе.

Конечно же, вы вспомнили нашу знакомую девочку Таню.

Вновь в таинственном чуланчике вспыхнул свет и великая Тисса появилась в королевстве банок. Банки от восторга вспыхнули, заулыбались и притихли в ожидании...

Тисса хлопнула в ладоши и произнесла:

— Конкурс, дамы и господа, сегодня в королевстве банок конкурс! Конкурс на самых лучших, самых замечательных, самых находчивых и весёлых.

Стрельцы-Огурцы вытянулись во фронт, заволновались и вдруг грянули песней:

Мы стройные, мы статные,
Хрустящие, опрятные,
Зелёно-ароматные,
В общении приятные.
Да и любое пиршество,
Любое торжество
Без братии зелёной не может обойтись!

— Прекрасно, прекрасно! — заволновались банки.
— Да, — хмыкнула Тисса, — почти стихи. Хотя последняя строчка подкачала.

Она повернулась к помидорам:

— Ваше слово, ваше ответное слово, Синьоры Помидоры!

И помидоры, ещё ярче покраснев от волнения, запели:

Грядки украшения,
Красные творения,
Вкусные соления,
Достойны восхищения!

— Bravo, bravo! — зааплодировала королева Виктория, небольшая банка с клубничным вареньем, но в королевстве банок её называли не иначе, как Ваше Высочество.

— Недурно, недурно, — произнесла Тисса.

— Один — ноль! — брякнули Компоты-Обормоты. А Барышня Малина заалела ещё сильнее. Ей больше нравились стройные огурцы, к тому же они не были такими чванливыми, как эти толстые помидоры.

— Итак, переходим к следующему туру наших состязаний, — торжественно произнесла Тисса. — Загадки!

— Загадки, загадки... — пронеслось по баночным рядам и все притихли.

— Без окон, без дверей полна горница людей.

О ком это?

— О, это о нас! — обрадовались огурцы.

— Один — один! — шумели компоты. Королева Виктория нахмурилась, она предпочитала, чтобы выиграла помидоры. Почему-то они ей были более симпатичны, может быть, из-за цвета. Они ведь почти одного цвета, ну разве что оттенки разные. А Барышня Малина заулыбалась. Один — один — это шанс выиграть конкурс для её друзей огурцов.

— Продолжим! — повелела Тисса и загадала новую загадку:

Как на нашей грядке выросли загадки:
Сочные и круглые, вот такие крупные.
Летом зеленеют, осенью краснеют.

О ком это?

— Конечно, это о нас! О нас, загадочных! — с гордостью сказали помидоры.

— Ну вот, опять огурцы проигрывают, — тихонько вздохнула Барышня Малина.

— Чудесно, чудесно! — зааплодировала королева Виктория.

— И так, загадка последняя — решающая! — громко объявила Тисса.

Бусы красные висят,
Из кустов на нас глядят.
Очень любят бусы эти
Дети, птицы и медведи.

— Малина, малина! Ответ: малина! — кричали огурцы.

— Нет, неверно, — возмущались помидоры, — эта загадка о нашей королеве — это о клубнике Виктории.

— Ну, конечно же, это обо мне. И победили, я считаю, Сеньоры Помидоры! — громко заявила Королева Виктория!

— Как же так? Ведь по справедливости это обо мне, — шептала расстроено Барышня Малина. Компоты-Обормоты громко шумели, но понять, на чьей они стороне, было невозможно.

Вдруг открылась дверь чуланчика, и великую Тиссу позвали обедать.

А в Королевстве Банок наступил переполох. Банки всё спорили и спорили, кто же всё-таки прав?

А ты как думаешь, мой маленький читатель?

Мурлокотам

В одной сказочной стране жил был кот Мурлокотам, а страна эта находилась в глухом сказочном лесу.

Каждое утро Мурлокотам проснувшись, потянувшись, затем выгнув спинку, выпрыгивал в окно и шёл по дорожке здороваться с соседями.

— Здравсте, молочник! — мурлыкал Мурлокотам. — Что, молоко убежало? Простокваша прогоркла? Не съели ли мыши сыр, соседушка? — с издёвкой здоровался ехидный кот.

Настроение у молочника мгновенно портилось. Молоко прокисало. Работа валилась из рук. А довольный кот шёл дальше.

— Привет, сосед мельник! Что, мыши зерно растащили? Жернова лопнули? Мешки прохудились? — брякнет эдакое и пошёл прочь. А у мельника весь день наперекосяк.

— Ой, сосед мясник, окорок-то весь мухи обсидели! Всё обветренным мясом торгуешь? Ха-ха-ха!

Плюнет мясник коту вслед, а у самого настроение испорчено на весь трудовой день.

Идёт кот мимо птичницы:

— Здравствуй, соседушка! Здравствуй, лапушка! Что, яйца опять протухли? Куры захромали?

Расстроится птичница, даже всплакнёт от обиды в передник. Ведь курочки у неё пригожие, здоровенькие и несутся отменно. Зачем же на них напраслину наговаривать?

— Как не совестно тебе, Мурлокоташа, людей обижать? — всплеснёт руками птичница.

А Мурлокотаму всё нипочём, обидит соседа, и был таков.

Терпели, терпели соседи обиды от вредного кота, да и закончилось у них терпение.

Сговорились проучить вредину.

Ночью тихонечко повесили кадку с опарой над окошком, у дверей бочонок с перьями поставили, а у калитки страшное пугало с горящими глазами в тыквенной голове.

Затем взяли медные тазы да как начали греметь изо всех сил.

Кот с перепугу да спросонья прыг в окно, а там ему на голову опара из кадки вылилась, бросился со страху обратно в дом, да угодил в бочонок с перьями, кинулся к калитке, а там страшное пугало дорогу перегородило. Завопил Мурлокотам со страху, на помощь стал звать, да кто ж ему такому вредному поможет. И весь перемазанный тестом и облепленный перьями, через забор удрал кот в лес и больше не вернулся.

А соседи в сказочной стране теперь здороваются друг с другом по-доброму, желают удачного дня, доброго здоровья, успехов в труде, и дела у них складываются на славу.

Ёжик

Ёжик Митрич проснулся в дурном настроении: не то лежал неудобно, не то сон дурной видел, но состояние на душе было отвратное.

Выглянул из норы, и день хмурый какой-то. Поёжился, поёжился в норе, да делать нечего — пора завтракать.

«Пойду в лес грибков соберу, что ли», — подумал ёж и побрёл в лес.

Только выполз на лесную тропинку, а там две сойки галдёж устроили.

Зашипел на них ёж:

— Что базар устроили, чикалки, кыш, непутёвые! —

И бурча, дальше пошёл.

Бредёт по лесу грустный, голодный, а грибы как назло все попрятались.

«Это всё противные сойки завтрак мой распугали, — подумал ёжик, а тут ещё дождь холодный заморосил. — Ну вот ещё и простудиться недостаёт».

Увидел Митрич корчагу и спрятался от дождя под ней. Сидит и думает: «И отчего это день не задался прямо с самого что ни на есть утра?»

Вдруг кто-то прыгнул на корягу, коряга покачнулась и чуть не придавила ежа — еле успел выскочить. А это заяц Петрович чуть его жизни не лишил.

— Ты что, Петрович, хулиганишь, на жизнь мою покушаешься? Под ноги свои долговязые не смотришь! — закричал рассерженный Митрич.

— Ой, прости, соседушко, не со зла — от Патрикеевны спасаюсь, съесть меня хочет окаянная. А ты чего сердитый сегодня такой?

— Да вот, сойки грибы распугали, с самого утра маковой росинки во рту не было, — пожаловался ёжик. — Да и вообще день какой-то неудачный сегодня.

— Верно, верно, — затараторил заяц, — и я вот проснулся, только из норы выпрыгнул, а она тут как тут и уж два часа меня негодница по лесу гоняет.

— Слушай, Петрович, дак ты значит пол-леса уже обежал, а грибок не видал? — поинтересовался ёж. — Да какие грибки, когда лиса на хвосте, тут каждую минуту с жизнью прощаешься, не до завтраков, — ехидно ответил заяц и тут почему-то шархнулся в сторону, чем испугал Митрича, и исчез

из виду. Ёж на всякий случай свернулся в клубок, но как-то всё вроде бы было тихо. Полежал, полежал немного и дальше побрёл.

— Ох, незадача, ох, незадача, — вздыхает ёжик, — уж не сглазил ли меня кто?

А тут бельчонок шишку уронил, да как нарочно ежу по носу попал.

— Извини, дедушка Митрич, я не нарочно, — пропищал бельчонок.

— Ой, погубели моей все хотят, ой, погубели, — запричитал совсем расстроенный ёжик, — сойки сглазили, заяц чуть не придавил, из-за бельчонка, пожалуй, сотрясение.

Тут ежа услышала досужая сорока, да и решила над ним подшутить.

— Здорово, Митрич, что расстроенный такой? Аль прихворнул, аль сглазили ненароком?

— Ох, сглазили, ох, сглазили, соседка, пол-дня уж маюсь.

— А ты иди к старому болоту да свисни чрез левое плечо, да топни правой ногой, да скажи: «Болотный дух, забери неудачу и испуг». Да не забудь трижды прокричать заклинание.

Поблагодарил ёжик сороку и побежал к старому болоту, а бежать километра два надо.

Час бежит, другой бежит, устал. А сорока летит за ежом наблюдает и смеётся, а по дороге уж всему лесу растрезвонила.

— Ой, люди добрые, да вы посмотрите на старого Митрича, из ума выжившего, с болотом идёт разговаривать, ха-ха-ха!

И так по всему лесу. Лесной народ собрался на глупость ёжика посмотреть, а ёж торопится, бежит и ничего вокруг не замечает.

И уж дождь закончился, а тут солнышко вышло, заулыбалось, расцветило всё вокруг, пощекотало ёжу нос, ёж остановился, чихнул и вдруг увидел, что он находится на чудесной лужайке, на которой и грибов, и ягод видимо-невидимо.

Митрич от радости и про сглаз, и про болотного духа забыл.

Сытно пообедал, набрал домой разной вкуснятины и побежал обратно восвояси.

Настроение, у ежа было превосходным, ему улыбалось солнышко.

— Всё понятно, мне всё понятно, это просто солнышка не было вот у меня и настроения не было.

А тут сорока затрещала:

— Митрич, Митрич, побывал у болота?

— А зачем мне твоё болото, мне солнышко вот какой подарок сделало!

И довольный ёж пошёл домой.

Иви

История, которую я вам сейчас расскажу, произошла в сказочном королевстве эльфов.

В прекрасной стране, а точнее в её столице Винтоле, у королевской четы родился прехорошенький ребёнок — дочь, восхитительная Иви.

Иви обожали, баловали, нянчили, развлекали, её красоту воспевали с самых пелёнок.

Выполнялся любой её каприз, но, на удивление, девочка росла добрым, весёлым, отзывчивым ребёнком. Она прилежно училась, её очень занимало всё новое, всё ей было интересно. У Иви был замечательный голос, и она с удовольствием распевала

песни на весь дворец, и, когда она пела, замирало всё в округе, все слушали песню.

В королевстве был превосходный цветник, в нём росли и благоухали чудесные цветы, они были всевозможной окраски, разные по размеру и форме, размещались они на клумбах, в декоративных подвесных корзинах, на альпийских горках, на полянках и лугах.

Иви подружилась с цветами. Перелетая с одного прекрасного цветка на другой, она приветливо болтала с каждым, и ей казалось, что все цветы её друзья.

А цветы вдруг стали спорить, кого больше любит Иви, и с кем она дольше разговаривает, и кому больше добрых слов сказала. И каждый день их споры становились всё злее и злее, и от злости они стали терять свою красоту и превращаться в колючки.

И скоро Иви не узнала свой цветник. Однажды утром Иви выглянула в окно, чтобы поздороваться со своими друзьями, но, о ужас: это был сад серых колючек.

Колючки шуршали злым шёпотом:

— Это Иви виновата, из-за неё мы лишились своей красоты, гадкая девчонка.

И ещё сильнее серели, а некоторые от злости даже начали чернеть.

— Мама, папа! — закричала Иви. — Наш цветник заболел!

Король Эльфов заволновался, королева от огорчения заплакала.

А Иви бросилась поливать цветы. Но как только принцесса к ним приблизилась, колючки стали вливаться ей в крылышки, оборвали её прекрасное платье, оцарапали её нежные ручки и ножки. И маленькая Иви с трудом вырвалась из их цепких колючек.

Она прибежала в страхе к своему отцу и, уткнувшись в его рукав, горько заплакала.

— Папочка, папочка, я совсем не виновата — рыдала Иви, — ведь я их так любила, что же произошло?

Король нежно погладил девочку по голове и успокоил.

— Не плачь, Иви, цветник действительно заболел, и, кажется, я понял чем. Эта страшная инфекция называется «зависть», и, конечно же, это не твоя вина, цветы виноваты сами. Но мы их вылечим. Я немедленно вызову к нам в королевство Фрукенброка, и он спасёт наш цветник.

Король отправил посыльных за лекарем Фрукенброком, и скоро лекарь появился в королевстве.

Он внимательно посмотрел на цветы, налил в лейку раствор добродетели, насыпал порошка «антизависть» и поливал цветник целый день и одну ночь.

А через три дня цветник зацвёл прежним благолепием и красотой.

Но Иви была так перепугана происшедшим, что больше не ходила в цветник, а только любовалась цветами издали.

Чудилище-страшилище

Кракозябра проснулась и запела. Настроение было чудесным, солнышко припекало, стрекотали кузнечики, жужжали пчёлы.

«Пора вставать, — подумала Кракозябра. — Умыться, пока не высохла роса».

Спрыгнула на землю, дёрнула лепесток, крупные капли скатились Кракозябре на голову.

— Ну вот, не только умылась, но и искупалась, — хихикнула и понеслась на поляну.

Перескакивая с цветка на цветок, Кракозябра лакомилась сладкой пылью и рассуждала:

— Как-то скучновато живу, однообразно как-то. На соседнюю поляну, что ли, прогуляться, вон шмель всё хвалит, что там цветы покрупнее да солнышко поярче светит.

Подумала так Кракозябра и поскакала через лесок да на другую поляну.

А в лесу уже и нет такого солнышка, сыро, раскинули ели свои большие, лохматые тёмно-зелёные лапы, только тоненькие лучики пронизывали крону, и поэтому в лесу царил полумрак. Страшно Кракозябре, а любопытство всё-таки сильнее.

Лесные жители смотрят на Кракозябру с какой-то неприязнью и удивлением:

— Что за чудилище-страшилище по нашему лесу скачет? — возмущались лесные жители.

Кракозябра очень удивилась и даже расстроилась — на своей полянке её так никто не обзывал. Закрыла уши и поскакала на заветную полянку.

Слышать она уже не слышала никого, а вот видела, как на неё все указывали, строили рожицы и показывали языки.

Но наконец-то дорога в тёмном лесу закончилась, и она оказалась на солнечной полянке.

Хотела она запрыгнуть на луговую ромашку, а ей оттуда:

— Куда чудилище-страшилище собралась? Это мой цветок.

«И чего это все они заладили — чудилище-страшилище», — задумалась Кракозябра, на родной полянке к ней никто так не обращался.

Побродила она по чужой хвалёной поляне, неприветливо все как-то на неё смотрят, и решила вернуться обратно. Страху натерпелась, обзывалок наслушалась, даже пнул кто-то. Вернулась к вечеру домой, голодная, расстроенная, уставшая. Влезла на свой любимый люпин, съела вкусной пыльцы и, уместившись в цветочке, уснула.

А на следующее утро встала, потянулась, умылась росой, выглянула из цветка, а уж ей соседи кричат: «Здравствуйте, тётушка Кракозябра, что это вас вчера не было видно и песен ваших замечательных не слышно. Уж не случилось чего?»

Улыбнулась соседям Кракозябра и запела своим чудесным голоском.

А пела она о том, что самая прекрасная поляна та, на которой они живут дружной семьёй. Та, на которой цветут их чудесные цветы и солнышко им улыбается по-особому, и что для жителей их поляны большое счастье, что они родились и живут именно здесь.

ОЧЕРКИ

Родился—Умер

«Его картины красивы, потому что мудры», — говорят исследователи отечественного неофициального искусства о работах Эдуарда Штейнберга. И сравнивают его абстрактные композиции с «метафизическими экранами, на которые проецируются вечные символы бытия». Сегодня один из лидеров второй волны русского авангарда выставляется в крупнейших музеях мира.

Полгода Эдуард Штейнберг проводит в Париже, полгода в любимой Тарусе, где продолжает жить душа его полотен.

«Новости культуры»

Шестое апреля, день солнечный, соборная площадь, два больших белоснежных венка из роз у входа в собор Петра и Павла. Мы в храме, в руках свечи — прощаемся с Эдуардом Штейнбергом. Путь пройден до конца. Все просто и мудро, как его картины.

Наше знакомство с этим интересным человеком состоялось совсем недавно, гораздо позже, чем с его творчеством. А случилось это четвёртого января 2010 года в день открытия музыкального фестиваля «Таруса зимняя», по традиции организованного Фондом Святослава Теофиловича Рихтера. Открывался фестиваль фортепианной музыкой, играл Вячеслав Попругин: Шопен, Глинка, Лядов, Рахманинов... После музыкального вечера, тоже по традиции, участники и гости были приглашены Татьяной Сергеевной Фроловой, известной в Тарусе поклонницей талантов, по прозвищу «Африканка» (по названию

континента, на котором периодически проживает), по случаю её рождения в такой же день прошлого века. Издательство «ТТ» в полном составе попало в число счастливицов. Вот там мы и познакомились с Эдуардом Штейнбергом. Была ещё встреча на его очередной выставке в Тарусской картинной галерее. Ну а потом... Всё, как на картине «Родился—Умер».

Закончилось отпевание, траурная процессия отправилась на городское кладбище — туда, где Паустовский, Эфрон, Крандиевские... Место выбрано на краю оврага, откуда видна перспектива...

День солнечный, прозрачный, лёгкий, как холсты художника. Опустили в землю.

Стали прощаться. Меня тронула за руку милая женщина, оказавшаяся рядом.

— А вы знаете, Эдька ведь был в меня когда-то влюблён, — начала свой сбивчивый рассказ незнакомка. — Да, да, влюблён серьёзно. А мне нравился его младший брат. Мы были очень дружны, потом потерялись. Жизнь развела... Он стал знаменитостью, гражданином мира. Долго не могли мы встретиться, но вот Таруса вновь нас свела. Как-то в выходной день я возилась на кухне. Муж позвал меня: — Валя, не твоего ли Штейнберга показывают? Подхожу к телевизору и вижу: показывают выставку Штейнберга в Тарусе. Звоню главе Тарусского района: «Помогите найти Эдика». Он даёт мне номер его домашнего телефона. Очень волновалась, когда звонила. Трубку подняла Галина. «Могу я поговорить с Эдуардом Аркадиевичем?» — сбиваясь спросила я.

— Эдик, тебя!

— Эдуард Аркадьевич, — начала я официально. И, представляете, он узнал меня по голосу.

— Валя, Валька! Немедленно приезжайте, немедленно!

Мы с мужем уже через час были у него в гостях.

Боже мой, какая это была встреча! Мы, как две влюблённые лошади, положив головы друг другу на плечи, долго-долго стояли молча...

Женщина всхлипнула:

— С тех пор мы каждый год встречались в Тарусе. И вот... Провожая его в последний путь. Пойду брошу землю в могилу, попрощаюсь.

Мы прощались с художником, другом, гражданином мира, почётным гражданином города...

За поминальным столом в кругу близких и друзей всплывали самые тёплые воспоминания. Я впервые была на таких светлых поминках, не покидало ощущение, что Эдуард Аркадьевич рядом, вот он живой смотрит с экрана и говорит, говорит...

Борис Асафович Мессерер вспомнил мечту Эдуарда:

— Я хотел бы летать из Парижа в Тарусу, не заезжая в Москву.

— Эдик любил Тарусу и Париж.

— Он очень любил собирать грибы, знал каждую тропку в лесу.

Вспоминала Елена Михайловна Климова:

— Однажды Эдик взял меня с собой по грибы. Я набрала столько грибов, что только в зубах не несла. С ним нестрашно было ходить по лесу.

Семья Штейнбергов в Тарусе с 1933 года. Первая выставка Эдуарда состоялась именно в Тарусской картинной галерее. И об этом вспоминали...

На похороны прилетел его французский друг Жиль Бастионелли, он записал последние две недели жизни Эдуарда для создания фильма о нём.

Леонид Баженов замечательно сказал:

— Эдик в своих картинах пытался соединить земное с небесным, и это ему удалось, как в жизни, ибо тело — земля, душа — космос.

* * *

Как штрих в мироздании
Во Вселенной промчался.
В абстрактном сознании
Навеки остался.
От рожденья до тризны
Полутень и прозрачность.
Он не славил отчизны.
Его путь — многозначность.
От Оки и до Сены.
От Парижа к России.
Пусть не белены стены
И не видно Мессии.
Всё так просто и мудро:
Вот родился и прожил.
В это ясное утро
Трансцендентностью ожил.

Е. Тарусская

Трансцендентность гения

Все попытки подобрать рациональный ключ к таинственной природе гения бессмысленны...

А. Шнитке

«Святослав Теофилович Рихтер говорил, что Таруса — лучшее место в мире!

И в 1993 году именно здесь он организовал музыкальный фестиваль, где играл сам и приглашал играть молодых талантливых музыкантов.

Его мечта была сделать Тарусу не только художественно-литературным центром, но и музыкальным.

Мы стараемся его идеи продолжать и развивать.

«Музыканты счастливы принимать участие в этом празднике — здесь живёт дух гениального Маэстро!» — говорит президент и художественный руководитель Фонда Святослава Рихтера, народная артистка СССР Наталья Гутман.

С 1993 года съезжаются в Тарусу музыканты-виртуозы, талантливые молодые музыканты, замечательные певцы, радуя и восхищая публику Тарусы.

Съезжаются поклониться Гению, Гению Святослава Теофиловича Рихтера.

Поистине божественным подарком одарена Таруса, и этот подарок — музыкально-художественные фестивали.

Какой же любовью надо любить музыку и Тарусу, чтобы продолжало жить, расти и набирать силу задуманное!

Как некая присяга красоте живёт любовь к высокому искусству, живительный родник, что делает нас чище и добрее и мягче души. И погружаясь в чудодейственные звуки, становишься частью мироздания и сопричастным чуду.

А Святослав Теофилович в эти мгновения становится живым, чудесным волшебником.

Вот смычки коснулись струн — начинается вечерняя мистерия. Звуки сливаются с чувствами, и в этом соитии расцветают анемоны, ласково светит солнце и поют ангелы, но тут подул ветер, набежали торопливые облачка, сгущаясь, темнеют. Звучит напряжение, нагнетание и гроза, дождь, сверкают молнии, грохочет гром, буря, и вдруг финал: гроза закончилась, расцвела радуга, с листочков срываются последние тяжёлые капли...

Или нет — фокусы... Фокусник или маг в колпаке со звёздами разбрасывает по залу конфеты в зо-

лотистых фантиках, достаётся всем, все съедают и влюбляются.

А, может, так — закат, таинственность, словно картина старого художника. Ночь, лунная тихая дорожка серебрится по морю, и ночной звездопад: одна, вторая, третья звезда — можно загадывать желания.

Величественные грации слетаются при звуках золотого гобоя к С. Т. Рихтеру, а он здесь, у Кастальского источника, — повелитель муз. Но не на склоны лесистого Геликона, а сюда, в Тарусу, в концертный зал.

Начинается карнавал, карнавал великих: П. Чайковский, Р. Шуман, Ф. Лист, С. Рахманинов, А. Пьяцолла, В. Моцарт, И. Брамс, И. Бах...

Ощущение волшебства, ощущение его духа здесь и сейчас непостижимо реально.

Слезы счастья и умиления блестят на глазах взволнованной публики, и благодарностью переполняются сердца, душа парит, надмирному внимаю...

Есть в мире ценности, которые не блекнут и радуют независимо от времени, они не имеют возраста, всегда свежи и желанны, а встреча с ними — счастье.

Памяти Святослава Рихтера

Кларнет и флейта — Бах звучит
Тревожным ритмом увертюры,
И Рихтер пристально глядит
На музыкальные фигуры.
Ласкает нежная свирель,
Рояль колдует вдохновенно,
Романс поёт виолончель,
Пылая страстью откровенно...
И благодарной тишиной

Зал замер в трепете блаженном.
А скрипка, флейта и гобой
Творят в поклоне переменном.
Ему — поклоном фестиваль,
Его таланту и уменью
Смычки рисуют пастораль,
Внимая нотному смятенью.

Е. Тарусская

Картины на деревьях, или Феномен деревни Шишкино

Вы были когда-нибудь в Шишкино в начале августа, а точнее, десятого августа? Нет? Рекомендую, настоятельно рекомендую. Вы спросите: «Где это?» Спешу уведомить — Тарусский уезд, деревня Шишкино, усадьба господина Козьмина-Бороздина Вадима Борисовича.

Вы не знаете Вадима Борисовича? Сейчас я это исправлю, замечательных людей всё-таки знать надо. Итак, Вадим Борисович Козьмин-Бороздин: пианист, композитор, заслуженный работник культуры, дипломат. Окончил консерваторию, а затем Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. Работал в Германии, Франции, США, Швейцарии, Италии, Австрии, Канаде. Возглавлял издательство «Международные отношения». Был членом комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, членом правления Ассоциации содействия ООН. Позднее создал и возглавил первое в нашей стране совместное русско-французское издательство «ДЭМ». Но это не все его достоинства. Он ещё неисправимый романтик, и представьте, что придумал. Он придумал

устроить вернисаж у себя в саду! Только у человека творческого могла возникнуть такая необычная идея! И задуманное получилось! Более того, это событие стало традиционным. И вот уже третья выставка, нынешняя, посвящена Италии. Чудесные итальянские пейзажи расположились на ветвях сада. А его продолжает волновать вопрос — нужна ли эта выставка в саду и что она даёт посетителям и художнику?

И знаете, эти августовские встречи просто феноменальны! Вы спросите, почему так громко и что за феномен в Шишкино? Постараюсь ответить.

Представьте себе: всю ночь лил дождь, с утра пасмурно и сыро, мелкая взвесь повисла в воздухе, в любую минуту разверзнутся хляби небесные...

А тут картины в саду на деревьях. Выставка под угрозой срыва, и это традиционно, но Вадим Борисович звонит и велит всем быть в назначенное время к полудню.

Что ж, сажусь в машину, а ехать мне из деревни Хомяково Тарусского уезда, бывшего имения господина Шадурского Леонида Брониславовича.

Завожу мотор, включаю дворники и еду. Проезжаю Лопатино, Истомино, Похвиснево, Ильинское. Обратили внимание, какие красивые, ласковые названия русских деревень: Ильинское, Истомино... Миновала Тарусу, и вот он — поворот на Шишкино. И что бы вы думали: тучки разбежались, небо вдруг заулыбалось, заискрились дождевые капли в кронах деревьев — и счастливый Фёдор Помелов встречает нас под живой аркой промытой листвы у входа в сад.

Вот тут необходимо прикрыть глаза, войти в арку, а затем широко их открыть — и вы в сказке: деревья в саду выстроились залами, а точнее, колонными залами. Я им придумала названия: прямоугольный зал — «Ал-

лейный», деревья выстроились в аллею, затем «Главный» с широкой площадкой, за главным «Юлькин» (в честь дочери Вадима Борисовича Юли, её голубой домик рядом), а следующий «Овальный», так как деревья образуют овальную площадку. Вы вдыхаете чистый, упоительный воздух, любуетесь картинами Фёдора и Инессы Помеловых, солнышко радуется вашему восторгу солнечными зайчиками на листьях, и наплывают строки:

Так в безумной серой суматохе
Зазвучит Вселенная, задышит,
Как на выдохе или на вдохе
Создаёт душою гений—пишет.

Сердце мчится ветром ураганным
Над просторами без горизонта,
И весь мир становится желанным,
Тёплый ливень, и не нужно зонта...

Е. Тарусская

А гости все подъезжают и подъезжают. Вадим Борисович и Фёдор улыбаются гостям и провожают в зеленые залы. Мы прошли в «Аллеинный» зал и оказались в Италии. Удивительно умеет Фёдор передать настроение, уют и колорит страны на своих полотнах!

В «Овальном» зале встречаюсь с главой районной администрации Е. М. Мальцевым.

— Евгений Михайлович, а вы здесь какими судьбами?

— Приглашён и очень этому рад. Я впервые у Вадима Борисовича и сожалею, что впервые. Вы знаете, Елена, что наша Таруса и итальянский Сан-Миньято города-побратимы, а этот год назван годом Италии в России? Чудесно, что здесь в Шишкино мы отмечаем это событие выставкой итальянских пейзажей. Я вот уже четвёртый год работаю в Тарусе, а не пере-

стаю удивляться обилию необыкновенных культурных событий в нашем городе и районе. Не каждый город нашего уровня может похвастаться таким обилием музыкальных, художественных, бардовских, спортивных, литературных и кинофестивалей.

Гостей у Вадима Борисовича собралось много. Состоялось открытие в «Главном» зале с торжественными речами, с рассказом Фёдора о том, как он работал в Италии со своей мамой, тоже художницей Инессой Помеловой. Удивило появление двух молодых людей из Индии с именами Сатиш и Онил. Они с интересом рассматривали картины, слушали выступления приглашённых, им нравилось быть гостями в Шишкино.

На веранде дома развешены картины Инессы— уютные итальянские улочки, залитые солнцем. Удивительные дома с разноцветными окнами. Невольно вспоминаются строки М. И. Цветаевой:

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может, пьют вино,
Может, так сидят.
Или просто—рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Нынешний год необычный— ровно семьдесят лет назад началась Великая Отечественная война, и осколки этой трагедии продолжают беречь боль в душах наших. У Вадима Борисовича в саду на пне артиллерийский снаряд как железное свидетельство тех страшных дней. Минутой молчания почтили память павших за Родину. У накрытого стола выпили боевые «сто грамм».

По просьбе Вадима Борисовича читаю свою «Балладу о солдате».

Вспоминали, говорили, хвалили искусниц, накрывших стол. За хозяйку была Галина Петровна Жукова — чудесный человек и старинный друг семьи Вадима Борисовича.

Но погода в этот день к нам была не совсем милосердна: начался дождь и загнал всех в дом. Народу много, расположились кто на веранде в окружении картин Инессы, кто в столовой дома, а кто и на кухне — поближе к съестному. Но было какое-то общее единение. Читали стихи. Фёдор с Инессой рассказывали про Италию и Францию. О том, как милы и гостеприимны люди, с которыми их свела творческая поездка, как по-доброму относятся прохожие к художникам, как незнакомые люди старались познакомиться, пригласить к себе в дом и обязательно угостить.

В этот день нам посчастливилось услышать красивую музыкальную импровизацию Вадима Борисовича с не менее красивым названием «Рояль в саду».

А хозяина по-прежнему занимал вопрос — нужны ли такие встречи и что даёт людям такая необычная выставка? Ответов было много: и что это необычно, и необыкновенно интересно, и что это обретение новых впечатлений, друзей...

А я бы ответила так: нужны ли стихи, музыка, живопись; тёплые дружеские встречи; любовь во всевозможном своём многообразии; нужна ли добрая улыбка, дружеское рукопожатие в этом огромном и сложном мире?

Что объединит людей, что сроднит их души? Ну не служение же Мамоне!

В гостях у художника (Николай Гурин)

Художник, живописец — человек, способный передать зрительный образ посредством нанесения красок на твёрдую или гибкую основу.

Художник-пейзажист — человек, наделённый пленэрным видением, способный передавать замысел Творца на полотне. Положить на твёрдую или гибкую основу «кусочек вечности» и часть своей творческой души.

Мазок, мазок, то жёлтый, то зелёный,
За ним коричневый с оттенками печали —
И вот они картиной зазвучали...

Е. Марусская

В окно глядите осень и печаль, дом весь в слезах, и серый уют, а он рисует бисер на стекле, дрожащие кусты, пожухлую траву, опавшую листву. Там выписан оконный свет в зашторенных наполовину окнах и улица в подтёках блеклых, и старые дома (как обнажённый бред), и обнажённые деревья.

Другое полотно — где выпал снег. На крыши белый плат наинула зима, и он решил её увековечить, рисуя снегопад до самого утра и снегирей на ветках, зимний вечер. Прохожего, укутанного в шарф, в морозный ясный день и ветви в позументах, и скошенный забор и поворот... И, если у картины постоять и проводить его до поворота в надежде, что его дождётся кто-то...

Другое полотно: заснеженный овраг, кустами тальника заросший по краям, а по оврагу ветер впопыхах позёмкой мчит, играя в чехарду. Забытый храм, где сбиты купола, печальная история вселенской скорби, и хочется кричать, чтобы хоть кто-то вспомнил и возродил утраченную суть. «Река, вот символ жизни, — говорит

художник, — по рекам возводили города и исстари селился народ, магическая сила у воды: к ней непременно тянет и хочется её писать. Да и пройтись вдоль реки, и поудить рыбу, и искупаться в реке здорово».

Мольберт у окна, на подоконнике в рядок, как солдатики, лежат тюбики красок, в глиняной крынке вместо молока или полевых цветов охапка кистей, а сирень и циннии на полотнах.

— Николай, вы пейзажист?

— Больше да, чем нет.

— Отчего выбрали это направление?

— Пейзажи — это разговор с Творцом, перенос Его замысла на холст, а кроме того, художник тоже историк. Я пишу город, его дома, улочки. А ведь многих домов уже нет, деревья спилены. Город живёт и меняется, а на моих картинах остаётся невозвратное. Вот на соборной площади раньше был рынок, и я его сохранил на своих картинах, а теперь памятник генералу Ефремову и фонтан. И неизвестно, какое будущее у города, может, и это станет историей, и хорошо, если на картинах, но лучше бы не разрушать ничего, а только созидать.

— Николай, а как вы стали художником, с чего все началось?

— Вы знаете, Лена, что у меня в общеобразовательной школе по рисованию была четвёрка, а у Серова вообще тройка? Но вот в восьмом классе к нам в школу, а жил я в городе Шахты, пришёл учитель по рисованию Валерий Михайлович, он меня многому научил, и с его лёгкой руки я поступил в Краснодарское художественное училище. Я был учеником Дейнеки...

Долгое время работал преподавателем рисования. Но вот перестройка заставила писать картины. В смутное время писал для вернисажей, продавал, зарабатывая, таким образом, на жизнь. В 1993 году

по рекомендации Михаила Георгиевича Абакумова меня приняли в члены Союза художников России.

— А как вы попали в Тарусу?

— По объявлению в газете. Произвёл обмен квартиры и переехал в Тарусу. Первую мою выставку в Тарусе организовала Наталья Гуртовая, светлая ей память. В картинной галерее было выставлено пятьдесят полотен.

— Вы часто участвуете в выставках и в каких?

— Я участник Всероссийских выставок, которые устраиваются каждые пять лет... Многие мои картины в художественных салонах в Москве.

— Николай, что самое важное в работе художника?

— Надо писать честно и не допускать в работе фальши, эта барышня всегда выплывет на поверхность, а холст в таком случае можно выбросить.

Я ходила по мастерской художника от холста к холсту, и мне понятно стало, что держит человека на этой земле: это красота его родного края, это любовь его ко всему живому, прекрасному, родному. Охапка душистой сирени, заснеженный храм на Воскресенской горке, это уютные, милые тарусские улочки, это красавица Ока с её переливающейся гладью и зелёными, поросшими лесом берегами, это замершая, заснеженная Ока, когда можно переходить на противоположную сторону в Поленово. Это ледоход на Оке, когда поют весенние птахи, ярко светит солнце. И вдруг раздастся треск по реке, и она, как бы очнувшись от глубокого сна, потягивается, сбрасывает с себя уже надоевшее снежное одеяло и, как юная девка, несётся в весёлом весеннем танце, вертя своим подолом, летит по реке шуга — кружевная юбка. Ну что ж, любуйтесь на меня — красавицу! — шумит река.

Герои нашего времени, или 100 лет спустя

Если он не скулил, не ныл,
Если хмур был и зол, но шёл...

В. Высоцкий

Пятьдесят градусов ниже нуля, ночь. Утро не наступит ни в шесть, ни в семь, ни в восемь и даже ни в десять часов — полярная ночь.

Задача — дойти до цели к рассвету. Цель — Северный полюс. А это тысяча километров по снегу, торосам, дрейфующим льдам, через открытую воду Ледовитого океана по смёрзшейся ледяной каше, в метель с колючим северным ветром, в крошечной тьме, где хозяйничают белые медведи. Фонарь пробивает её всего на тридцать метров, а надо идти и тащить снаряжение: надувную байдарку, палатку, спальный мешок и всё необходимое в походе, включая провиант и кухонную утварь: чашки, ложки, котелки...

А это сто шестьдесят килограммов на каждого... А кем поставлена задача и указана цель? Что движет людьми, желание которых — достижение Северного полюса в полярную ночь?

У американца Роберта Эдвина Пири «дело всей жизни» — желание быть единственным и первым человеком, покорившим Северный полюс, и телеграмма в Штаты, что он единственный и первый. Произошло это 6 апреля 1909 года.

А вот Фредерик Альберт Кук в 1908 году шёл к полюсу и без «публичной шумихи» достиг поставленной им же цели. Для него на первом месте было научное значение его похода, видимо, потому-то своё заявление в Международное бюро полярных исследований он сделал только 1 сентября 1909 года: «Достиг Северного полюса 21 апреля 1908 года...»

И вот, век спустя, наши современники Матвей Шпаро и Борис Смолин отправились в этот «романтичный» палаточный поход на Северный полюс. Уникальность поставленной на сей раз задачи — дойти до рассвета, т. е. 1000 км в крошечной тьме полярной ночи.

Ночёвки в спальниках и палатках, ежедневные марш-броски по тридцать километров, переходы от стоянки к стоянке, и надо идти и прийти к рассвету.

Эта уникальная героическая экспедиция стартовала 15 декабря 2007 года. А как же новогодняя ёлка в гирляндах, горящий камин с живым огнём, празднично накрытый новогодний стол, нарядные костюмы и новогодние фейерверки?

Фейерверки заменило северное сияние. Огромная низкая луна как единственное украшение, но не на ёлке, а на небосклоне, и две крохотные звёздочки — спутницы в крошечной мгле. Единственный атрибут праздника сохранён — шампанское.

И так восемьдесят четыре полярных дня без солнца и восемьдесят четыре ночи с радующими, но редкими визитами луны. Они шли, влюблённые в полярные путешествия, шли, чтобы доказать, прежде всего себе, что они могут. И смогли дойти до Северного полюса полярной ночью. И это впервые в истории полярных походов!

Роберту Пири нужна была слава, лишь ему одному, поэтому он взял в итоговый отряд своей экспедиции двух эскимосов и чернокожего врача Мэттью Хенсона, понимая, что лавры славы достанутся только ему. Шёл он к главной цели всей жизни полярным днём. Фредерик Кук шёл не ради славы, но тоже днём. Экспедиция Бориса Смолина и Матвея Шпаро поставила себе более сложную задачу — идти ночью. Конечно, оснащение, доставка продуктов

и экипировка, благодаря современным технологиям, совершенно несравнимы со снаряжением предыдущих экспедиций. Но это полярная ночь!!!

Безопасность путешествия обеспечивало Управление авиацией ФСБ РФ, но ведь вертолёт не всегда был рядом с идущими. Конечно же, им подвозили все необходимое, космические службы информировали о погодных условиях и обеспечивали постоянную связь с Большой землёй. Но задача крайне сложная и опасная.

Экспедиция финишировала 14 марта 2008 года, когда в Арктике наступал рассвет. Солнце взошло только через неделю.

Ровно через сто лет российские парни покорили ночной Северный полюс, и их победу отметили в Лондонской Книге рекордов Гиннеса.

Так что и в наше мирное время есть место подвигу — примеру мужества, преодоления трудностей и самого себя, воспитания характера.

Высоко оценили переход к Северному полюсу В. В. Путин и официальный «патрон» экспедиции — мэр Москвы Ю. М. Лужков.

Губернатор Калужской области А. Д. Артамонов направил ходатайство в адрес президента РФ о предоставлении нашему земляку Борису Смолину почётного звания «Герой России». Увидев в Администрации Президента РФ фоторепортаж об этом героическом ночном переходе, он предложил организовать выставку в калужской галерее «Образ», откуда она и переехала в Тарусу. В день официального открытия экспозиции посетителей приветствовали её основатели и участники: известный путешественник Дмитрий Игоревич Шпаро, один из героев-первопроходцев Борис Смолин и фотограф Олег Караджа — автор выставленных снимков.

Это радостное событие для нашего города.

Свет и тень

Малую травку родить — труднее,
чем разрушить каменный дом.

В. В. Розанов

Удивительная выставка прошла в Тарусе в картинной галерее — «Москва — Таруса». Выставлялись работы художников, живущих и работающих как в Москве, так и в Тарусе. Много было интересных работ, но привлекли меня картины Андрея Минеева. Художник выставил три полотна (масло), на каждом из которых была изображена молодая прекрасная обнажённая девушка. Это не Венера Веласкеса и не одалиски Энгра — это серия картин «НЮ», от которых исходил свет чистоты, красоты и непорочности. Изящные современные грации с разбросанными волосами, изогнутой спиной отдыхают от жары и солнца, нежась в оттенках золотистой и светлой охры на картинах с названиями «Свет и тень», «Солнце моё» и «Жара». Ассоциативное определение следующее: «Сотворил же Господь такое совершенство, а художник оставил его в веках на своих полотнах».

В этот день мне посчастливилось познакомиться с художником. Я пригласила его в редакцию, очень хотелось узнать о нём больше.

По моей просьбе Андрей принёс свои акварели: чудесные среднерусские пейзажи, портреты прекрасных дам в старинном одеянии, графические рисунки «Русская провинция» и восхитительная Венеция. Мы смотрели на эти картины с восторгом и любопытством — они несли добро и умиротворение. Его лес манил загадкой, река — хрустальной водой... На душе становилось светло и покойно. За светом

и тенью скрывается какая-то тайна: на его туманном болоте обязательно живёт добрая фея, его река течёт, она живая. Мне кажется, настоящий художник тот, который умеет перенести небо и воду на свои полотна. Небо дышит, живёт, меняя свои оттенки, облака — формы. Туман на болоте настолько реален — пронизанный тёплым утренним солнцем, клубится полутонами, придавая картине загадочность, так и вспоминается сказка о болотном духе Мокроножке.

А серия картин «Венеция»...

В серо-жемчужном тумане на площади Сан-Марко Небо немного грустно, сегодня совсем не жарко. Пляшут на зыбкой глади гондолы под серенады. Дождь. Затопило площадь, по солнцу грустят фасады.

Венеция у Андрея то серо-зелёная, то розово-красная. Пьяцетта, оберегаемая святым Теодором, перед выходом в Гранд-канал на картине Андрея затоплена, писал он её во время очередного наводнения. Но как она затоплена у Минеева?!

Туманное утро. В жемчужно-сером свете выступает часть дворца Дожей, колонна со святым Теодором, маячащие гондолы в Гранд-канале, бредут по залитой зелёно-жемчужной глади горожане, ассоциативное определение — «Летучий Голландец».

Лёгкая, невесомая акварель, подобно «Летучему Голландцу», растает за горизонтом, расплывётся цветной дымкой в небытии... А в бытии это картина Андрея «Венеция. Наводнение».

Этот старый дебаркадер на реке, он ещё послужит, но на картине, как в летописи, останется навсегда. Причалит к нему теплоход, торопятся люди на катер — жизнь идёт своим чередом. Блестят лужи после дождя, река переливает свои многотонные воды,

бегут катера, пароходы и пароходики по течению и против. Живёт река своей, только ей известной жизнью, а вот художник подглядел немного, и осталась картина — маленький кусочек вечности, такой дорогой русскому сердцу.

Или вот угол старого дома, какие ещё сохранились в провинции российской.

Как удивительна картина по композиции: солнечный день, на переднем плане старый дом, старушка с палочкой в тени, а молодёжь на солнце, и тени их на стене... На дальнем плане автобусы, дома, дымящая труба котельной... «Городок провинциальный, летняя жара...» — намурлыкивается песенка, и от этой картины, как от воспоминания о своей доброй бабушке, щемит сердце.

Или вот ещё один фрагмент провинциального городка с его милой старой архитектурой, где люди на его улице стоят и разговаривают. А вы видели, чтобы вот так в большом городе встретились вдруг знакомцы и заговорили о своём?

Там всё гудит, несётся, стремится, скрипит тормозами, хлопает турникетами, грохочет электричками... И так хочется остановиться и спросить себя: «Человек, куда ты всё бежишь, куда боишься опоздать, неужто за будущим? Да оно само придёт, и не заметишь, а может статься, что напрасно за чем-то бежал, оно и не нужно вовсе».

Вот и едут люди из больших городов хотя бы в выходные окунуться в эту размеренную, неторопливую жизнь русской провинции: успеть увидеть облака, плывущие по небу, речку, лес; собрать охапку луговых цветов, покататься на лодке, порыбачить. А может быть, просто поболтать с друзьями за чаем с мятой и душистым мёдом на веранде...

Когда я стояла у полотен Минеева, за спиной говорил художественный критик: «...Ну здесь как-то всё спокойненько, по-добренькому, нет вызова...»

И сразу вспомнились слова В. В. Розанова из «Уединённого»:

«Малую травку родить—труднее, чем разрушить каменный дом. Из “сердца горестных замёт”: за много лет литературной деятельности я замечал, видел, наблюдал из прихода-расходной книжки (по изданиям), по “отзывам печати”, что едва напишешь что-нибудь насмешливое, злое, разрушающее, убивающее, как все люди жадно хватаются за книгу, статью.

— “И пошлó, и пошлó”... Но с какою бы любовью, от какого бы чистого сердца вы ни написали книгу или статью с положительным содержанием, это лежит мёртво, и никто не даст себе труда даже развернуть статью, разрезать брошюру, книгу.

— “Не хочется”—здесь “скучно, надоело”.

— Да что “надоело”—то? Ведь вы не читали?

— “Всё равно—надоело. Заранее знаем”...

— “Бежим. Ловим. Благодарим”—там.

— Да за что “благодарите”—то? Ведь пало и задавило или падёт и задавит?

— “Всё равно... Весело. Веселее жить”. Любят люди пожар. Любят цирк. Охоту. Даже когда кто-нибудь тонет—в сущности, любят смотреть, сбегаются.

Вот в чём дело».

Как прав Василий Васильевич: нам всё ближе из 10-й сатиры Ювенала—«Хлеба и зрелищ!».

И зрелища ведь несут разные эмоциональные наполнения. По мне, так лучше мир, чем война; улыбка, чем сарказм; лучше созидать, нежели разрушать; договариваться, а не враждовать...

Обетованная земля Елены Тарусской

Автора книги в двух частях «Прикосновение» не упрекнёшь ни в отсутствии чувства живой красоты, ни в тривиальности суждений. Елена Тарусская в поэзии и прозе свободна и самостоятельна. Её стиль лёгок и выразителен, а его тяготение к классическим образцам корректируется в соответствии с духом и реалиями сегодняшнего времени.

Среди большого количества выходящих малыми тиражами банальных поэтических сочинений легко потерять из виду творчество талантливых и самобытных писателей—таких, как Елена Тарусская. Оригинально и остро мыслящих людей в нашем писательском мире становится всё меньше и меньше. Как писал Сергей Довлатов, «скудость мысли порождает легионы единомышленников». По тому, что я прочитал в двух книгах Елены Тарусской, могу с уверенностью сказать: ей тесно и некомфортно в том пространстве, где с расчётом на долгий постой расположились эти самые легионы. Недаром она сломя голову бежит от них:

А я бегу туда, где белый снег,
Где время останавливает бег,
Где небо—океан, а не лоскут.
Там, где не нужен пряник или кнут.

(«Знакомясь то с Верленом, то с Ванто...»)

Творчество Елены Тарусской—чистосердечно. В её поэзии—стихия чувств, в её сказках—фольклорная прелесть, в её эссеистике и публицистике—понимание психологии своих героев. Несмотря на всё это она признается самой себе:

«Кусочек вечности», погибелью своей
Рассеиваюсь дымкою в лазури,
Я проживаю сотни чувств и дней,
Свиваясь болью, порождая бури.

Жизненные обстоятельства у каждого из нас часто складываются таким образом, что приходится жить, как образно заметила Елена Тарусская, «укрывшись тишиной, зайдя за тишину». Известно ведь, что творчество «на разрыв аорты» требует уединения и сосредоточенности. А медитировать среди толп удавалось разве что индийским йогам эпохи Будды Шакьямуни, а также редким музыкантам и поэтам, таким, как Паганини и Осип Манделштам. Но это было не сегодня, а в очень и очень давние времена и заканчивалось большей частью трагически для этих смелых и великих людей.

Творчество Елены Тарусской находится в постоянном тематическом и образном расширении. Я не сомневаюсь, что её поэтическое слово затронет не одну человеческую душу.

Александр Сенкевич,
индолог, писатель, поэт,
доктор филологических наук

Содержание

<i>От автора</i>	3
Переводы	5
<i>Переводы с гуджарати (2016 г.)</i>	
<i>Девья Равал</i>	
Мама	6
Моя жизнь	7
<i>Суреш Даллал</i>	
Позволь начертать мне имя твоё...	8
<i>Сундарам</i>	
Однажды утром	9
«Море имён, несть им счёта...»	10
<i>Энни Сарайя</i>	
Анджали	11
Свирель	12
Трудности сансары (Заботы)	13
Кошка	14
Звёзды (песенка)	15
<i>Переводы с хинди (2016 г.)</i>	
<i>Кунвар Нараян</i>	
Ласковые тени	16
Вечерняя прогулка	17
Звёздная пыль	18
Сияние	19
Гороскоп	20
Цветы дерева Ним	21
<i>Махавидья Ади Шакти</i>	
Арти «Одиннадцатая махавидья Ади Шакти — вдове брамина»	22
<i>Атал Бихари Ваджнаи</i>	
Погибель, но не поражение	23
<i>Вадья Натх Мишра</i>	
В нём есть мой блеск	24
<i>Рамешвар Камбодж</i>	
Солнце по-прежнему всходит	25
<i>Сампуран Сингх Калра</i>	
Ростки любви	26
<i>Гириджа Кумар Матура</i>	
Будь начеку, солдат	28

Переводы с французского (2011 г.)

Матьё

Не подавая вида	29
Галантные стихи	30
В осеннем лесу	31
Ласточка России	32
Цветок в петлице	33
Случай в «Опера»	34

Переводы с грузинского (2014–2015 гг.)

Тициан Табидзе

Потух в моей душе сионский звон...	35
Поэт	36
Натунии Церетели	37
Рассвет	38

Галактион Табидзе

Балаганный царь	39
Снег	40

Нино Кожосадзе

Минимы	42
Ленора	43
Ветер	44
Осень	45
Сон	46

Лоскутки (эссе)

Рождение	47
Ты приходи...	48
Долгожданное счастье	50
На реке	51
Белый берег	54
Отец	55
Стена	55
Пустота	57
Крещение	59
Лекарство от греха	60
Любовь	61
Безысходность	64
Свобода	65
Забудется ли?	66
Кому на Руси...?	66
Небо	68
Ты меня уважаешь?..	70
Старый дом	72
Старый дом	78

Рассказы	81
Микола	82
Норка	88
«Итигдана»	95
Романы	97
Вы кто?	98
Нет! Я тебя не позову	101
Я сидела на солнечном пне	104
Простить? За что?	106
Давай попробуем взлететь...	107
Не торопи событий круг...	108
Гость	109
Душа моя, о чём молчишь?.	110
Гимн казачеству	111
Детские стихи	113
Петух	114
Пантера	115
Нарисуй	116
Улитка Алевтина	117
Ёжик	118
Хьюкт	119
Шарик	120
Киса	121
Снежинки	122
Праздник	123
Колыбельная	124
Сказки	125
Чёрное семечко	126
Конкурс	129
Мурлокотам	132
Ёжик	133
Иви	136
Чудилище-страшилище	138
Очерки	141
Родился–Умер	142
Трансцендентность гения	145
Картины на деревьях, или Феномен деревни Шишкино	148
В гостях у художника (Николай Гурин)	153
Герои нашего времени, или 100 лет спустя	156
Свет и тень	159
Обетованная земля Елены Тарусской (А. Сенкевич)	163

Елена Тарусская — поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Учредитель литературно-художественного и культурно-просветительского журнала для семейного чтения «Траектория Творчества» и его главный редактор.

Родилась 18 ноября 1958 года в городе Тбилиси. Выпускница Высших литературных курсов Литературного института им. М. Горького 2006 года. В 2006 году вышел сборник стихов «В лучах надежды...». Публиковалась в следующих изданиях: литературный альманах «ЛитЭра», журнал-ежегодник «Отчее слово», альманах «Академия поэзии» (2009), поэтические сборники «Путь мастерства» (2009, 2010), литературно-художественный альманах «Клад» и др. Создатель литературных альманахов «Тарусские страницы. 21 век» (2013), «Сорок Сороков» (2015).

Елена Петровна Тарусская
ПРИКОСНОВЕНИЯ

Книга вторая

Корректор *Н. Любомудрова*
Компьютерная вёрстка *С. Захаров*

ООО «Издательский Дом „ТТ“»
249100, Калужская обл., г. Таруса,
ул. Октябрьская, 2/1, офис 208.
Тел./факс (48435) 2-55-42

Подписано в печать 30.06.2017. Формат 84×100/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Old Standart.
Объём 5,25 п. л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано «Наша Полиграфия»
г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42–29 от 23.12.99
Тел. (4842) 77-00-75